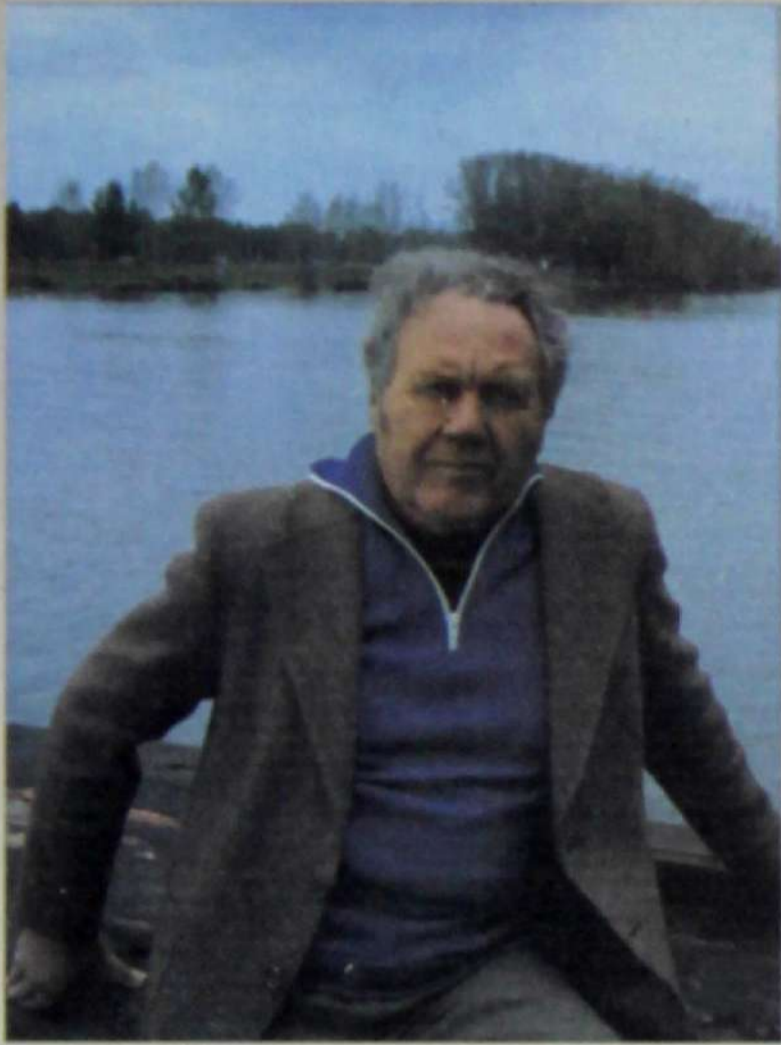

ОТЕЧЕСТВО

Николай Палькин
О, ВОЛГА!

Великая русская река Волга была и пребудет героиней многих произведений литературы.

Николай Егорович Палькин — волжанин и в своей новой книге создал цельный и живой образ Волги в путешествии от истока к устью, в мозаике ее городов и сел, в драматическом эпосе русской истории. Авторское повествование льется широко, вольно, но и целеустремленно: ведь Николай Палькин взял себе в поводыри зрелую мысль гражданина-патриота и отзывчивое, всегда взволнованное сердце поэта. Это позволило ему охватить многие стороны как минувшей, так и современной быстротекущей жизни на берегах, казалось бы, неохватной в своем песенном раздолье Волги.

О, ВОЛГА!

ОТЕЧЕСТВО

Старое

Новое

Вечное

ОБ

26.89(235.54)

П14

Николай Палькин О, ВОЛГА!

+

118827-1

МУК Балаковская Районная
центральная библиотека

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
ЦГБ

Москва
„Молодая гвардия“
1985

Художник *В. Чистяков*

Фото *М. Редькина, Е. Кассина, С. Булавского,
М. Харлампијева, В. Шмакова, В. Исаченкова,
Е. Дмитриева, В. Иванова, В. Салеева*

С ЛЮБОВЬЮ

Об авторе этой книги можно сказать, что он объясняется в любви родной Волге. Много лет назад первое объяснение у него вылилось в песню благодарности великой реке за все ее великие дары России, народу, их славной истории, ему, поэту, лично, как частице народа.

Волга дала Николаю Егоровичу Палькину прежде всего рабочее, поэтическое настроение и вдохновение, которые помогли ему, автору широко известных лирических песен „Соловьи России“, „Травушка-муравушка“, „У моей России очи голубые“ и многих других, — помочь создать более десятка стихотворных сборников и несколько книг художественной публицистики.

Журналист, поэт, волгарь по неизменной сыновней привязанности к легендарной реке и по месту, что называется, прописки (Н. Палькин живет в Саратове), он посвятил Волге и песни, и стихи, а когда эти жанры показались ему тесными для изъяснения со своей возлюбленной, написал поэму, которую так и назвал: „Поэма о Волге“.

На этом он мог бы, пожалуй, и остановиться. Но поэт, очарованный и зачарованный Волгой, равнодушный к ее истории, людям по обоим ее берегам, к дивной красе реки, ставшей символом России, вновь берется за перо, чтобы теперь уже не в стихах, а в прозе „обо всем сказать, что наболело, поделиться, чем в душе богат“.

Автор справедливо рассматривает свою книгу как одну из попыток в серии зарисовок создать более или менее запоминающуюся картину жизни великой реки с ее историей и культурой, прошлым и настоящим, с ее верой и надеждой на еще более прекрасное будущее.

Разумеется, многое из жизни Волги остается за пределами книги, которую вы держите в руках. Но коли речь произнесена с сердечной любовью, она не может не коснуться души и тогда, когда в ней есть недоговоренность.

Михаил Алексеев

О Волга!.. колыбель моя!

Н.А. Некрасов

*Из-под камушка течет реченька
Да Волга быстрая, ой да Волга-матушка.*

Народная песня

Вряд ли найдется человек, который был бы равнодушен к красоте Волги, к ее истории, судьбе. Волга волнует, как сама Россия. Чувства к ней, желание объясниться в любви с годами так переполняли меня, что я решил попытаться вложить все это в стихи. В итоге появилась „Поэма о Волге“. Однако в поэме сказилось далеко не все. Скорее это были подступы к великой теме, и я решаюсь на новый шаг, сознавая всю ответственность такого решения.

Выдающийся советский писатель, уроженец Саратова Константин Федин однажды писал: „Мне видится книга, поющая Волгу. Книга, которая была бы поклоном волшебной реке, веками утоляющей жажду народных мечтаний о мире прекрасном и вольном. Книга, рассказывающая, откуда наша земля „пошла есть“. Книга — сказание о том, как на становой волжской жиле становилась из Руси Россия и как стала на Волге Россия Советская“.

Жизни не хватит, чтобы насмотреться на волжскую красоту, зеленые берега, тихие плесы, так бы и любовался ею и на рассвете, и при высоком солнышке, и по ночам, когда в воду опрокидывается звездное небо с его глубоким мерцанием, грозным и таинственным, как сама вечность.

... Не сказать, когда пробился из-под земли крохотный родничок, огляделся, улыбнулся красному солнышку и прозрачным, журчащим ручейком побежал куда глаза глядят. Увидел камень — повернул налево, заметил сосну — повернул направо, встретилась гора — опоясал ее подковой. В одном месте обнялся ручей со своим братом и стал вдвое сильнее и побежал расторопней. В другом месте присоединился к ним еще один ручей, потом еще и еще. И вот уже не ручей, а целая речка потекла с Валдайской возвышенности все ниже и ниже, все дальше и дальше. А вот в нее, главную речку, впадают новые и новые да такие сильные, как Сура, Ветлуга и Керженец, такие раздольные, как Ока и Кама.

Где леском зеленым, где по полю,
Где, как в песне старой, вдоль села
Пробежала, вырвалась на волю
И по вольной воле потекла.

Скатываясь с древнего Валдая,
Через Нижний прямо на Увек,
Все спешит, спешит, в себя вбирая
По пути семь тысяч разных рек.

Не только лодки, пароходы понесла она на себе, плоты потянула, в больших городах мосты через себя перекинула, и вот летит она через всю Россию, и кто ни подойдет к ней, кто ни притронется, все зовут нежно и ласково: Волга!

Никто не знает, когда впервые к Волге подошел человек. Известно только, что в древности ее называли „Ра“ — что означает „щедрая“. В средние века арабы нежно именовали ее „Итиль“, то есть „река рек“. Арабский географ X века Ибн-Хаукаль писал о ней как о „реке русов“, русской реке.

Может быть, правы специалисты, утверждающие, что название «Волга» финского происхождения и означает „светлая“, „священная“, но для нас да и для других народов Волга — исконно русское название, вобравшее в себя столь много, что его с полным правом можно поставить в ряд с другим святым словом — Россия. Русскому сердцу слышится в нем и Вольга — имя былинного богатыря, и слово „воля“, выражающее заветное стремление нашего народа к свету, братству и единению.

Я полюбил Волгу еще задолго до того, как увидел впервые. Полюбил прежде всего по песням. О ее раздолье поведала припевка: „Если Волга разольется, трудно Волгу переплыть“. О берегах рассказала старая протяжная песня „Меж крутых бережков“; о тоскующей душе Стеньки Разина — „Есть на Волге утес“, а о всенародной любви к Волге — другая песня, сложенная в наши дни: „Красавица народная, как море, полноводная, как Родина, свободная, широка, глубока, сильна“.

Когда в 1947 году, двадцати лет от роду, я впервые попал в Саратов, Волга ослепила меня своим июльским сиянием. Я даже не сразу рассмотрел пароход на стрежне и медлительные плоты, растянувшиеся едва ли не на версту. С годами, присмотревшись, я научился видеть не только песчинки на речном дне, не только растения, колеблемые течением, я научился видеть в реке отраженные струи Стеньки Разина, высокую сутуловатую фигуру Максима Горького, гимназическую курточку Володи Ульянова, потом виделся мне бушующий в огне и дыму Мамаев курган.

Волга не просто река, не просто вода, не просто водный путь. Волга — путь исторический, где сходятся прошлое и настоящее

русского народа и всех народов, населяющих волжские берега: удмуртов и марийцев, татар и чувашей, мордвин и калмыков, где сплетаются воедино старое и новое, великое и вечное.

Волга — исключительное явление природы, связавшее воедино разные географические зоны: лесное Нечерноземье,

степное Саратовское Заволжье, полупустыни Астраханского низовья.

Волга — уникальный экономический потенциал, вобравший в себя заводы и фабрики, могучие гидроэлектростанции, старые и новые города, первоклассный речной флот, крупные агропромышленные объединения.

Волга — широкая дорога российской государственности, над которой шумели эпохи княжеских междоусобиц и феодальной разобщенности, борьбы с иноземными захватчиками и объединения волжских земель под эгидой русского царя. Все перевидела Волга, все пережила, все почувствовала. Дивный свет новой жизни отразился в ней, когда наступила эра Серпа и Молота, эра Красного знамени.

Волга, наконец, а может быть, в первую очередь — это люди, живущие на ее берегах. Все наиболее сильное, здоровое, талантливое всегда стремилось к ней. И Волга никогда зря не разбрасывалась. Она укрепляла патриотический дух достойных сыновей и поднимала могучие таланты на служение всей России. С ее берегов и с ее благословения в нашу историю, в наш день, в наши сердца шагнули предводители волжской вольницы Разин и Пугачев. Ей обязаны глубиной проникновения в суть народных явлений Радищев, Карамзин, Чернышевский, Добролюбов, Островский, Некрасов, Гончаров, Салтыков-Щедрин, Алексей Толстой, Горький, Федин. Не у нее ли занимали силы для своих добрых дел математик Лобачевский, „учитель русских учителей“ Ушинский, изобретатель „русского света“ Яблочков, биолог Вавилов, народный учитель Ульянов — отец Ленина?

Волга и Ленин — особая тема.

А сколько с Волгой связано имен полководцев, певцов, художников, музыкантов, политических деятелей! Пожарский, Шаляпин, Репин, Саврасов, Левитан, Ляпунов, Свердлов, Куйбышев, Чапаев, Панфилов, Клочков-Диев, Русланова, Петров-Водкин...

Чем конкретнее становились мои представления о Волге, тем сильнее хотелось запечатлеть их в слове. Это и привело меня к поэме. Однако поэма, как сказочная птица, долго не давалась в руки. Не хватало порыва, импульса, толчка. Немота камнем лежала на душе.

Не хватало этого истока,
Где теперь растроганный стою,
Не хватало этого восторга,
Что реке великой отдаю...

К твоему истоку шел я долго
По годам, по песням, по судьбе.
Дай мне силы, дорогая Волга,
Чтобы мог пропеть я о тебе.

И пойду вослед я за тобою
С доброй мыслью от холма к холму.
Чтоб дорожной не болеть тоскою,
Я с собой читателя возьму.

Собирайся, друг мой!
Путь наш длинный
Через плесы чуткой тишины,
Через горы, степи и долины,
Через всю историю страны.

Собирайся, если духом молод,
С доброй мыслью от холма к холму.
Ты увидишь Ярославль-город
И услышишь чудо—Кострому.

Там, вдали, встает из-за туманов
Город Горький, кремль его и вал,
И Казань, где юноша Ульянов
Азбукой борьбы овладевал.

Впереди рассветы и закаты.
Выходи со мною и не трусь.
Заведу тебя в родной Саратов,
Самым сокровенным поделюсь.

Наши думы в светлое одеты,
И давай перед большим путем,
Как, бывало, прадеды и деды,
По глотку из Волги отопьем,

Чтоб в душе удваивалась сила
И восторг не утихал в груди,
Чтоб вода все мелочное смыла,
А не то не будет нам пути.

Волга, Волга,
Я иду!
За это
Беспокойства дай мне и любви,
Вдохнови на новый труд поэта
И в далекий путь благослови.

Упомянув про „всю историю страны“, я тут же понял, что это сказано слишком сильно. Однако, как бы там ни было, значительную часть волжской истории нам удастся перелистать. Ведь путь наш и в самом деле не близкий — почти 3700 километров от истока до устья. Да еще каких километров!

Разумеется, одному человеку не под силу создать книгу о Волге. Волга неисчерпаема в прямом и переносном смысле. Даже многотомная волжская энциклопедия, будь она создана, не вобрала бы в себя всего богатства географических, археологических, этнических, исторических, эстетических, художественных и иных представлений о великой русской реке, именуемой в народе то Волгой-матушкой, то главной улицей России. И если я все-таки отваживаюсь на разговор о Волге, то не следует в нем искать исчерпывающих ответов на те вопросы, которые затронул Константин Федин.

Моя книга — не путеводитель. Эта книга — прикосновение к великой теме, которая в будущем, я не сомневаюсь, найдет свое новое отражение в трудах новых авторов.

Книга моя о Волге лишь капля в Волге. Но пусть она будет, эта капля.

Судьбы и века

*И не только берега крутые,
И не только тучи-облака,
В Волге, словно в зеркале России,
Отразились судьбы и века.*

НАД КОЛЫБЕЛЬЮ

Калининский поэт пообещал мне показать исток Волги и, когда я приехал к нему в гости, повез меня вдоль озера Селигер к тому святому месту, где начинается наша великая русская река. В деревне Свапуще машину пришлось оставить. Дорога дальше оказалась непроезжей. Прошел дождь, и нам ничего не оставалось, как разуться, закатать выше колен штаны и босиком по мокрой, скользкой глинистой дороге шлепать верст восемь по лесу. Какая это была дивная прогулка! Надо непременно своими глазами увидеть эти крепкие, устремленные в небо сосны и ели, эти валуны, оставленные великим ледником, эти озера, прозрачные и чистые, как лесной дождь, чтобы понять, что собой представляет родина Волги.

Перед тем как отправиться в путь, я все же кое-что разузнал о волжском истоке из книг, которые удалось достать. Путешественники Лепешинская и Добрынин в книге „Волга“, изданной в Москве в 1911 году, называют обстановку, где родилась могучая река, неприветливой и убогой. „Перед нами, — повествовали они, — зыбкое болото, сплошь затянутое мхами, осокой, белокопытником. Просвечивающие кое-где „окна“ отражают пасмурное небо. Печальные одинокие ели над болотом, а кругом, насколько глаз хватит, мхи да трясины без конца“. В другой книге, появившейся на свет еще ранее, в 1893 году, член Тверской ученой архивной комиссии сообщал, что болотистая местность вокруг истока Волги сплошь покрыта дремучими лесами, „в которых еще и теперь царят медведи“.

Мы, разумеется, никаких медведей не встретили, да и местность, хотя и осталась болотистой, не показалась нам ни убогой, ни неприветливой. Печаль пасмурного неба в этот день как бы растворилась в радости нашего свидания с новорожденной, а безлюдная грусть деревенской улицы раскололась под напором крепких молодых голосов. Впереди нас к истоку спешили две девушки и двое парней в джинсах. Один из них нес в руке транзистор. Еще в лесу мы слышали, как молодежь весело переговаривалась. Теперь же в их голосах звучал неподдельный восторг, видимо, от мысли, что вот они, счастливцы, сейчас увидят то, к чему, может быть, уже давно стремились.

— Да вон же она, вон! — вскрикнула девушка в красном свитере и побежала с горки к тому месту, где виднелась бревенчатая в два окна избушка. За своей спутницей бросились и остальные. А вскоре и мы по деревянному настилу прошли прямо в светелку к роднику, взятому в бетонное кольцо и похожему скорее на современный ко-

лодец, чем на древний родник. Из колодца по бетонному желобу на уровне пола вытекала волжская вода и, вырываясь на белый свет, спешила в далекую даль.

Какая-то добрая душа прикрепилась цепочкой к колодцу железную кружку. Бери, путник, черпай и пей! И я взял, и зачерпнул, и выпил. Что это была за вода! Живительная, свежая, прохладная! Не такой ли водой в сказках воскрешали из мертвых? Кажется, во мне сразу стали прибывать силы. Я увидел всю Волгу от этого скромного лесного родничка до седого размашистого Каспия. Вместе с возгласом тихого восторга с моих уст слетели те самые строки, которые стали началом поэмы.

Вот отсюда, именно отсюда,
Из глубин лесного родника,
Выбегает голубое чудо —
Русская великая река.

Легкий дом, как девичья светелка.
Вяз, ольшаник, сумрачная ель.
Стойте, люди!
Здесь родилась Волга,
Здесь ее и дом и колыбель.

Да, именно здесь, на тверской земле у деревни Волгино Верховье в Осташковском районе Калининской области, родина нашей красавицы. Чьи-то заботливые руки (говорят, что это были руки монахов, живших в местном монастыре) поставили над родником часовенку. Кажется, она была всегда. Но это только кажется. Временами часовенка исчезала, потом возрождалась вновь. Монахи по какой-то причине переселились в иные места, монастырь опустел, осиротела и часовенка. Петр Первый, озабоченный поиском водных путей между Петербургом и Москвой, приказал беречь заброшенный монастырь, но тот вскоре сгорел. У истока осталась лишь деревня Волгино Верховье, пережившая на своем веку все, что послала ей судьба.

Когда в войну фашисты уничтожали все на своем пути, они спалили часовенку над истоком. И первое, что сделали наши саперы после освобождения от врага священного клочка земли, срубили из свежего леса новую светелку, и свет ее проникает в душу каждого, кто приходит сюда поклониться и постоять в раздумье над колыбелью великой русской реки.

ПОДАРОК

Удивительно, но это так: первым, особенно близким человеком, которого я встретил на тверской земле, оказался Пушкин. Сначала мне и самому это показалось странным, однако, поразмыслив, я пришел к выводу, что нет ничего странного в соседстве двух великих: великой реки и великого человека.

Великая русская река и великий русский поэт. Они достойны друг друга. Не случайно благодарные соотечественники соорудили памятник А.С. Пушкину на берегу Волги.

„Много алмазных искр Пушкина, — писал Владимир Иванович Даль, — рассыпались тут и там в потемках; иные уже угасли, и едва ли не навсегда; много подробностей жизни его известно в разных концах России: их надо бы снести в одно место“.

На древней тверской земле искры Пушкина светятся и поныне. Более того, они разгораются еще ярче, оберегаемые руками благодарных потомков поэта, и ветер забвения не погасит их никогда. На этом „милом берегу“, как называл здешние места Пушкин, о его впечатлениях и настроении может рассказать Городня и Старица, Курово-Покровское и Берново, Торжок и Мологино, Погорелое Городище и Никитское. Что ни название, то новая страница бурной жизни, что ни приезд сюда, то новый творческий порыв.

Двенадцатилетним мальчиком под присмотром дяди Василия Львовича Пушкин едет в Петербург поступать в Лицей и у деревни Городня Тверской губернии впервые встречается с великой русской рекой. Кто опровергнет, что именно здесь его посетило то самое озарение, которое позже продиктует ему волжские песни?

Если уж бродить по тверской земле, то надо непременно заглянуть в Торжок, где Пушкин останавливался более двадцати раз и где он любил пообедать в трактире Пожарского. Здесь, в Торжке, поэт серьезно увлекся сестрой своего приятеля Анной Олениной и посвятил ей прелестный цикл стихов: „Предчувствие“, „Ее глаза“, „Ты и Вы“, „Город пышный, город бедный...“, „Я вас любил...“.

Не худо бы походить и по окрестностям города, где, как и в самом Торжке, люди бережно охраняют все, что связано с именем поэта. Надо бы зайти и на соседний погост Прутня и положить цветы на могилу Анны Керн, которой мы обязаны тем, что великий поэт подарил нам гимн любви „Я помню чудное мгновенье“.

Свежесть чувств к Анне Керн мы ощущаем и ныне. Когда в один из холодных дней поздней осени я подошел к знаменитой могиле, у надгробного камня, охваченного чугуной цепью, алело несколько гвоздик. Сердце так и обдало жаром: „Не от Пушкина ли?“

Вдохновило поэта на создание шедевра и Павловское, где он провел около месяца осенью 1829 года, возвращаясь из Арзрума в Петербург. По-домашнему трогательные воспоминания Е.Е. Синицыной открывают нам поэта с интимной стороны в дни его пребывания в гостях у доброго Павла Ивановича Вульфа.

„... Александр Сергеевич был со всеми всегда ласков, приветлив и в высшей степени прост в обращении.

Вставал он поутру часов в 9—10 и прямо в спальне пил кофе, потом выходил в общие

комнаты, иногда с книгой в руках, хотя ни разу не читал стихов. После он обыкновенно или отправлялся к соседним помещикам, или, если оставался дома, играл с Павлом Ивановичем в шахматы. Павла Ивановича он за это время сам и выучил играть в шахматы, раньше он не умел, но только очень скоро стал тот его обыгрывать. Александр Сергеевич сильно горячился при этом...

Пушкин был очень красив; рот у него был очень прелестный с тонко и красиво очерченными губами и чудные голубые глаза...“

Нам не дано проникнуть в душу поэта, и мы можем только догадываться, каким восторгом жизни он был охвачен, когда после гулянья по заснеженному парку в усадьбе Вульфов записал в своей тетради:

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Большим грехом было бы не побывать в Бернове. И не только потому, что в этом обновленном селе находится памятник Пушкину, музей поэта, гостиница „Парнас“ и кафе „Русалка“. В окрестностях села сохранился тот самый знаменитый омут, где, по местному преданию, утопилась несчастная дочь берновского мельника, чья судьба, по всей видимости, отразилась в драме „Русалка“.

Волга очаровывала Пушкина своей красотой не только на тверской, но и на нижегородской земле. Пребывание в селе Большое Болдино вылилось для него в подлинный праздник души, когда из-под его пера одно за другим выходили восхитительные произведения. Болдинская осень одарила поэта еще и тем, чем он особенно дорожил и что весьма и весьма высоко ставил, — меткостью народной речи, свежестью крестьянского языка. Тут же, в Болдине, в одной из статей он и записал: „Изучение старинных песен, сказок и т.п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка...“ Подчеркнем слова: „для совершенного знания“. К другому Пушкин стремиться и не мог. Совершенство в слоге, языке, мысли было пределом его мечтаний, и поэт постоянно шел к вершинам мастерства.

Язык народа Пушкин изучал всю жизнь и где бы ни бывал: на юге России, в Молдавии, в Псковской губернии, на Урале — всюду слушал сказки, собирал и записывал песни. Живя в Михайловском, он, как известно, переодевался в крестьянское платье, чтобы не смущать мужиков своим „господским обличьем“, и отправлялся на деревенские ярмарки к Святогорскому мо-

настырю, слушал слепцов, записывал песни и, довольный, уносил с собой в усадьбу меткие словечки, поговорки и поговорки народа. Не засиживался он и в Болдине, особенно по базарным дням, когда можно было увидеть хоровод, послушать шутки-прибаутки и вообще окунуться в праздничное крестьянское веселье.

Пушкин, как утверждают исследователи, собрал и записал 61 народную песню, в том числе исторические, бытовые, обрядовые. Свой замысел — издать сборник народных песен — поэт по каким-то причинам не осуществил, но целую тетрадь записей передал известному собирателю фольклора П.В. Киреевскому.

Те, кто этим занимается, пытаются установить, где и от кого поэт слышал ту или иную песню, где и при каких обстоятельствах ее записал. Кое-что в этом направлении сделано. Так, установлено, что плясовую

Как у нас было на улице,
У нас на широкой:
Красны девки разыгрались,
Молодушки расплясались...

Пушкин записал у соседки по имению П.П. Кротковой.

Авторы книги „Предания и песни болдинской старины“, вышедшей в Горьком в 1980 году 2-м изданием, утверждают, что свадебная песня „Сватушка“, включенная Пушкиным в „Русалку“ и найденная в его записях, бытовала в Болдине. А в 1968 году они услышали от болдинских песельниц шуточную песню про „тещеньку“, которая „сдобничала“ да „пирожничала“, так что „стал ей пирог во двенадцать рублей“, а „зять подсел, он один пирог съел...“. Такой же текст песни встречается и у Пушкина: „Теща про зятюшку сдобничала, сдобничала да пирожничала...“

Жемчужины народной поэзии помогли Пушкину создавать свои собственные. Блестки народной поэзии рассыпаны и в „Капитанской дочке“, и в „Истории Пугачева“, и в „Русалке“. Не без влияния народных сказок появилась на свет „Сказка о попе и о работнике его Балде“, „Сказка о мертвой царевне“.

Но вернемся на тверскую землю, где Пушкин еще мальчиком впервые встретился с Волгой. Скорее всего именно здесь вошла она в память поэта, чтобы остаться в его книгах волжскими песнями.

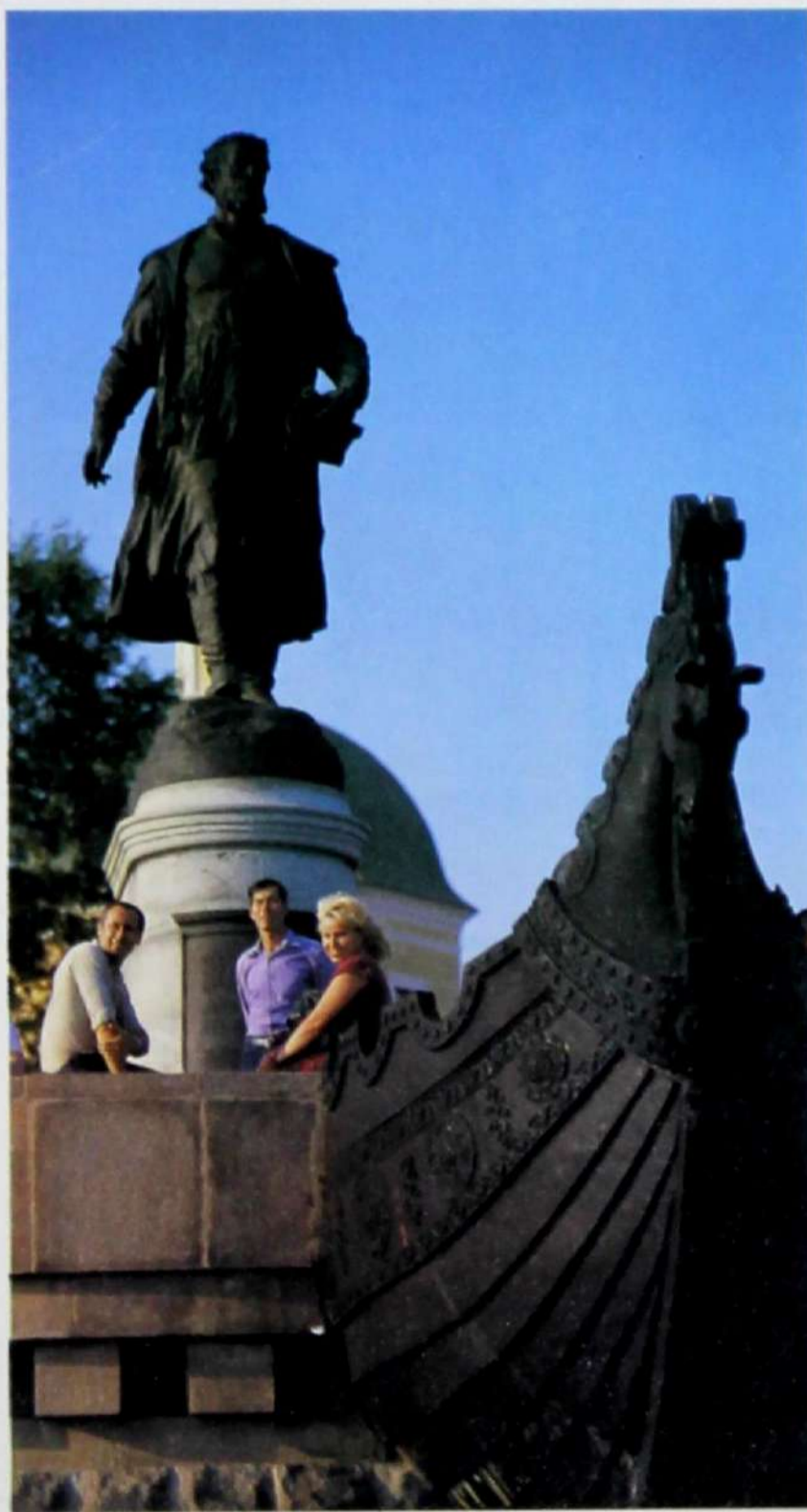
Как промолвит грозен Стенька Разин:
„Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волновую погоду выносила,
За меня ли молодца не дремала,
Казачков моих добром наделила...“

ПЕРВЫЙ ИЗ ПЕРВЫХ

Древний город Калинин,
А по-старому Тверь,
На великой равнине
Открывает нам дверь.

Входим с доброю речью.
Созерцаем, глядим,
А над Волгой навстречу
К нам знакомый один.

Это — Афанасий Никитин. Знакомый по школьным книжкам и учебникам истории, по кинофильмам и календарям, по научным исследованиям и описанию собственного путешествия „Хождение за три моря“. Он стоит над Волгой, кажется, не на пьедестале, а на полусказочной, полуреальной ладье, исполненной лебединых линий, изукрашенной таким искусным орнаментом, который сродни разве лишь работам тверских золотошвей. Он стоит над Волгой в полный рост, и во всей его крепкой и ладной фигуре, в курчавой бороде, во взгляде, устремленном вдаль, — уверенность, благородство, готовность к новому историческому шагу во славу земли отчей. Именно такой человек и мог первым из

Отсюда великий русский путешественник Афанасий Никитин начал свое легендарное хождение за три моря и... в бессмертие.

русских сходить за три моря в Индию и раньше Васко да Гамы описать далекую загадочную страну. Именно такой и мог заронить в сердца своих далеких и близких предков страсть к путешествиям. Афанасий Никитин в „Хождении за три моря“ навсегда оставил гордые слова: „Се написах свое хождение за три моря: первое море Дербентское — дорья Хвалынская, второе море Индийское — дорья Гундустанская, третье море — Черное — дорья Стамбульская... А всех лучше земля наша Русская...“ И еще: „Да сохранил бог Русскую землю!.. На этом свете нет страны, подобной ей!.. да устроится Русская земля!..“

Если дать волю воображению и попытаться соединить вещи, на первый взгляд несоединимые, то в один день в Калининские мы сможем увидеть представителей разных эпох. Можно попроситься, например, на прием к тверскому вице-губернатору, и он, несомненно, примет нас как человек столь же образованный, сколь и чуткий, и у которого, кажется, нет другой заботы, кроме заботы о тех, кто к нему идет за помощью и поддержкой. Впрочем, есть у него и еще одна забота — забота о русской литературе. Ведь вице-губернатор — это великий сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин.

Хорошо бы по пути к нему встретить знаменитого драматурга А.Н. Островского, изучающего Тверскую губернию по поручению морского министерства. Может попасться на глаза и тот мальчик, в ком пусть и с трудом, но мы угадаем будущего великого русского баснописца И.А. Крылова, чье детство, как известно, прошло в Твери. Кстати было бы заглянуть в Отроч-

ев монастырь, где двадцать шестой год кряду пребывает в заточении ученик Савонаролы Максим Грек. Князь Василий Иванович в 1515 году пригласил Грека в Москву, но того обвинили в связях с врагами России и бросили в тверскую темницу. Не будем вдаваться в подробности драматического события, отдадим должное Максиму Греку и скажем ему спасибо за то, что в истории русской культуры он был первым переводчиком, соединившим старую русскую письменность с западной наукой.

Коль скоро речь зашла о книге, о книге современной, войдем под своды Калининского полиграфического комбината. Вообразим на минутку, что человечество вообще лишено такого чуда, каким является книга. Свет знания померк, вокруг тьма невежества. Жалок и беспомощен человек, блуждающий в этой непроглядной тьме. Мы не знаем „Илиады“ и „Одиссеи“, понятия не имеем о философских трактатах древних, за пределами наших более чем скудных знаний находится гармоничный мир Пушкина, в нашей духовной жизни нет ни Наташи Ростовской, ни князя Андрея Болконского, ни Григория Мелехова, ни Аксины, ни профессора Вихрова, ни Василия Теркина. В дебрях незнания и бездуховности мы были бы беспомощны и слепы.

Не случайно человечество на протяжении веков делилось на поборников света и разума и на защитников мракобесия. Если Горький говорил, что книга — наиболее великое чудо из всех чудес, сотворенных человечеством на пути к счастью, то фашистские изуверы сжигали книги на

площадях Европы. Если Герцен утверждал, что книги — это духовное завещание одного поколения другому, то гитлеровские головорезы сжигали книги на кострах так же хладнокровно, как хладнокровно убивали они стариков и детей.

Но никакие издевательства и пытки, чинимые над книгами, не могли прервать их жизнь, ибо духовный опыт человечества, запечатленный в слове, бессмертен.

Есть своя историческая и эстетическая логика в том, что неподалеку от заветных мест, освященных присутствием Пушкина, калининские полиграфисты денно и нощно пополняют кладовую духовных запасов нашего общества. Был бы я художником, непременно нарисовал бы наброски или печатников калининского комбината, а возможно, тех и других вместе. Или запечатлел бы кистью вон ту девушку, что стоит у конвейера и держит в руках готовую книгу. Я не стал бы показывать ее усталость, хотя девушка к концу смены наверняка устает. Я не стал бы изо-

бражать на ее лице огорчение, хотя и такие минуты у нее бывают. Я бы изобразил так, чтобы люди увидели свет ее души, и назвал бы картину „Вдохновение“, и в этом никакого преувеличения не было бы, а была возвышенная правда искусства, равная правде жизни.

Для полноты представлений о городе Калинин следовало бы назвать еще несколько крупных предприятий, скажем, текстильные фабрики, или крупнейший вагоностроительный завод, или комбинат искусственного шелка, но я ограничусь упоминанием о полиграфистах, потому что, на мой взгляд, книга более всего символизирует нынешний материальный и духовный уровень города, который был когда-то центром удельного княжества, а ныне является важным центром промышленности и культуры на Верхней Волге.

Город Калинин, а по-старому Тверь, следует упомянуть еще и в связи с тем, что, по существу, отсюда начинается судоходство по Волге. Там, на самом верш, начиная от

Калинин — первый, откуда начинается регулярное движение больших судов вниз по Волге. Украшением города стал речной вокзал.

живого лесного родничка, река какое-то время тянется цепью больших и малых озер. Там можно увидеть одинокую лодку рыбака или быструю, легко скользящую по водной глади байдарку с фигурой загорелого отпускника. Там заповедная тишина еще не нарушается гудками буксиров и теплоходов.

У города Ржева встретится первый пассажирский катер. Ниже появятся теплоходы местной линии, суда грузовой службы.

В Калининe первая большая пристань, первый крупный речной порт. Здесь вы и почувствуете рабочее дыхание большой реки.

Прощаясь с Калининым, я все же хочу еще немного постоять у памятника Афанасию Никитину и еще раз взглянуться в благородное, волевое лицо одного из первых русских землепроходцев, открывшего нам дорогу по Волге. С его легкой руки и нам не покажется трудным наш дальнейший путь.

АТОМГРАД

На первый взгляд тут нет ничего особенного. Пристань хотя и называется Большая Волга, сама река в этих местах невелика. Вечерами на воду нисходит чуткая тишина. Ребятишки с дебаркадера ловят рыбу. Можно часами смотреть на поплавок и заодно любоваться звездами, которые посвечивают в воде так же тревожно и таинственно, как и сто и двести лет назад. Можно смотреть на эти звезды и совершенно забыть о том, что за спиной у тебя лес, а за лесом город. И не просто город, а город-ученый, город с мировым именем. Про Дубну-Атомград наверняка знают на всех континентах, в том числе и на безлюдной Антарктиде. Да и как не знать, если это тот самый город, где ученые нашей страны и социалистических стран заставляют атом служить мирным целям. Об уникальности Дубны говорят и улицы, носящие имена величайших физиков мира, и невиданные машины, и такие лаборатории, каких не встретишь, может быть, больше нигде.

Со школьных лет мы знаем, что в таблице Менделеева есть пустые клетки для неоткрытых элементов. Ученые мира давно бы их открыли, если бы эти элементы встречались в природе. В том-то и дело, что в природе их обнаружить не удастся, зато можно получить в лабораторных условиях, чем и занимаются ученые Дубны. Они уже сумели создать искусственно 102-й, 103-й, 104-й, 105-й элементы периодической таблицы Менделеева и даже напали на след 106-го элемента, для которого мгновение — слишком долгий век. Усколь-

зающий пока от ученых элемент распадается за ничтожные доли секунды.

Ядерный реактор в Дубне ИБР-2 — интенсивный источник нейтронов принципиально новой конструкции, как нельзя лучше приспособленный для решения задач самых различных областей науки и ее приложений. С вводом его в эксплуатацию ученые одиннадцати социалистических стран — члены Международного института ядерных исследований — получили широкие и во многом уникальные возможности.

К чему в конце концов приведут совершаемые в Дубне открытия мирового значения, может быть, не знают и сами ученые. Ясно только одно: новейшая современная наука на волжских берегах, олицетворяющая собою торжество разума, служит умножению человеческих благ.

Волга напротив Дубны течет по старому руслу, но удивительным образом изменились волжане и дело в их руках. Может быть, только звезды в реке посвечивают по ночам так же тревожно и таинственно, как посвечивали они и двести и триста лет назад, и даже, может быть, как в смутные времена Мамаю.

*„ТАКАЯ УЖ ЗДЕСЬ СТОРОНА“ **

О деревне Иваньково, откуда началась Большая Волга и где теперь город мирного атома, прежде в справочниках и энциклопедиях не писали. Окрестные места тоже ничем особенным в старой России не славились. Самым близким к Иванькову городом была Корчева.

Что за город? Вот что сказано о нем в книге, изданной перед революцией: „На правом берегу Волги расположен город Корчева, наихудший во всей губернии. Слишком захудалый провинциальный городок, больше даже похожий на село. Замечательного в нем ничего нет“.

Корчеву упоминал Салтыков-Щедрин. Нельзя сказать, чтобы с большой похвалой: „Какое может осуществиться в Корчеве предприятие? Что в Корчеве родится? Морковь? — так и та потому только уродилась, что сеяли свеклу, а посеяли бы морковь — наверняка уродился бы хрен“.

„Такая уж здесь сторона“, — заключает великий сатирик.

Эту сторону он знал прекрасно. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин родился в селе Спас-Угол. От него, если считать по прямой, до бывшего Иванькова и сотни километров не наберется.

На канале имени Москвы есть небольшая пристань Витинево. Там была некогда

* Материалы, помеченные звездочкой, взяты из книги Г. Кублицкого „Волга“. М., „Детская литература“, 1978.

усадьба писателя. От нее сохранился лишь уголок парка.

Салтыков-Щедрин вспоминал, как его „объегорили при покупке этой усадьбы. Богобоязненный старичок, прежний ее владелец, ухитрился выдать чужой лес за свой, а ветхие стенки сараев ловко замаскировал сеном. Такая уж здесь сторона!“

ДАР ВАЛДАЯ

Вот мчится тройка удалая
Вдоль по дорожке столбовой,
И колокольчик, дар Валдая,
Звенит уныло под дугой.

Это из известной народной песни. Ее литературная основа — часть стихотворения Ф. Глинки „Сон русского на чужбине“.

А вот другая народная песня, тоже имеющая литературное происхождение:

Вот мчится тройка почтовая
По Волге-матушке зимой...

Итак, тройка удалая, Волга-матушка и колокольчик, дар Валдая. Не случайно объединились они в песнях, столь любимых народом. Волга зимой становилась надежной дорогой. На тройках ямщики возили не только почту, но и свою любовь и свою тоску. А без колокольчика под дугой какая же это езда? Не зря в народе говори-

лось: „Звенит — потешает, ездить поспешает“, „Купи — не скупись, езд — веселись“, „Звону много — веселей дорога“. Такие надписи отливались на самих колокольчиках.

Откуда же на Руси взялись эти веселые и грустные, унылые и озорные, или, как их еще называли, поддужные, колокольчики?

В одном исследовании читаем: „Колокольчики отливались из того же бронзового сплава, что и большие колокола, имели ту же форму, но были невелики по размерам: их высота и диаметр (кстати, примерно равные друг другу) лежали в пределах от четырех до шестнадцати сантиметров. Оттого и голос у них был высокий, тонкий. Подвешивались они под дугой коренника; на шею пристяжных лошадей иногда дополнительно надевалась сбруя с бубенцами“.

Поддужные колокольчики предназначались в основном для почтовых и курьерских троек. Ездили с ними и частные владельцы, что, между прочим, официальными властями не одобрялось. В 1836 году вышло постановление Сената, достойное того, чтобы его здесь процитировать. Вот о чем, в частности, говорилось в постановлении: „Воспретить употребление колокольчиков всем тем, которые едут на собственных или вольнонаемных лошадях, предоставив оные одной почтовой гоньбе и чиновникам земской полиции, едущим по обязанности службы“.

Предшественником колокольчика на почтовых трактах был рожок, но он среди ямщиков так и не прижился. По словам Адама Олеария, немецкого дипломата, не раз посещавшего Россию в первой половине прошлого столетия, у каждого ямщика был рожок из бычьего рога. Однако ямщики, подъезжая к станции, закладывали два пальца в рот и вызывали смену свистом. Свист, хотя начальством он тоже не одобрялся, был далеко слышен, да и лошади под молодецкий посвист бежали веселей. В общем, рожок остался символом почтовой гоньбы, а его место прочно занял колокольчик.

История свидетельствует, что литьем поддужных колокольчиков занимались мастера и в Рязани, и в Тюмени, и в Касимове, и в Павлове, и в Пурехе, что лежит на Верхней Волге, но родиной считается село Валдай. Отсюда и понятие: дар Валдая. Известны и первые валдайские мастера: Филипп Терской и Алексей Смирнов. И год первых датированных колокольчиков — 1802-й.

Особого расцвета „звонкий“ промысел

достиг в пушкинскую эпоху, когда на Валдае действовали три колокольных завода и множество мастерских по изготовлению поддужных колокольчиков. Отлитый из бронзы „весельчак“ полюбился не только ямщикам и не только за то, что он оповещал своим звоном о приближении почтовой тройки. Он полюбился еще и за то, что предсказывал встречу с долгожданной родней, с близкой женщиной, с другом...

Вспомним пушкинские строки, обращенные поэтом к Пушину:

Мой первый друг, мой друг бесценный,
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

А блоковское: „Бубенчик под дугой лепечет о том, что счастье прошло...“, есенинское: „Колокольчик среброзвонный, ты поешь? Иль сердцу снится?“

В наши дни поддужный колокольчик можно встретить в музее или в какой-нибудь частной коллекции. Он давно честно и верно отслужил свое. Но разве и сейчас

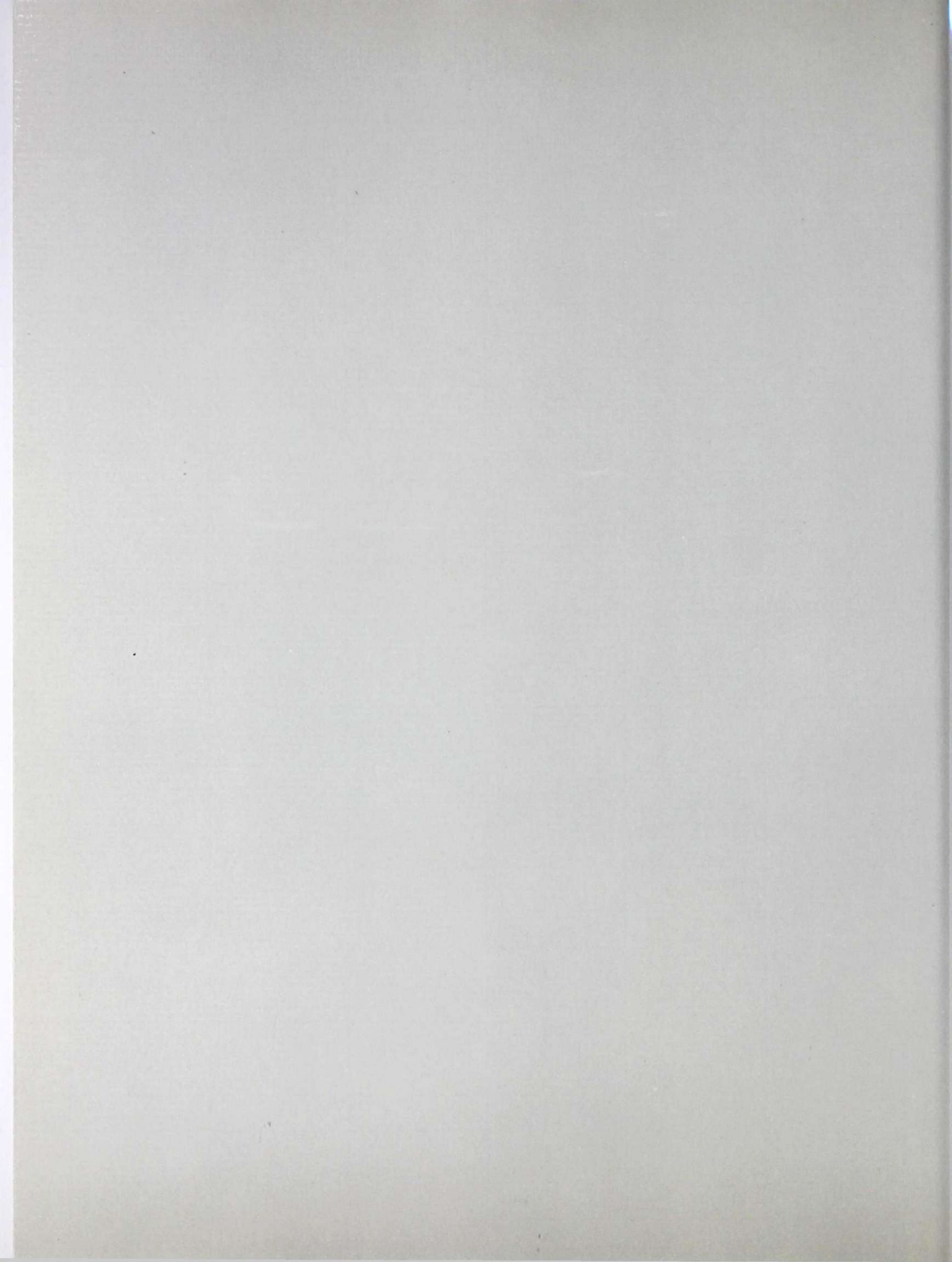
Ветераны-калнинцы помнят, что именно здесь в годы Великой Отечественной войны был остановлен враг.

ВЕРХОВЬЕ

Родниковая свежесть первых волжских струй,
лесная песня иволги над солнечной тишиной
земляничных полей, серые холодные валуны —
молчаливые свидетели ледникового периода...
Далее — Волга, начинающая работать, вести за
собой малые и большие суда, утолять чистой водой
жажду городов и сел, дарить людям щедрой рукой
из своих глубин энергию электричества.
Дубна, Андропов, Ярославль, Кострома, Плес,
наконец, Василёво, нынешний Чкаловск, —
заметные вехи географии и истории. Вехи, ведущие
в прошлое: к Ивану Сусанину, Федору Волкову,
Александру Островскому, Николаю Некрасову,
поэту, подарившему нам „Зеленый шум“ русской
природы и приоткрывшему красоту души русской
женщины. Вехи, ведущие в будущее: Дубна с ее
исследованиями в области ядерной физики,
первоклассные заводы Ярославля, выпускающие
моторы и резиновую обувь для автомобильной
промышленности, огромное поле Нечерноземья,
куда советские люди вкладывают все новые
средства, чтобы удвоить и утроить урожаи хлеба,
картофеля, льна и других продуктов земледелия.
И все это Верхняя Волга, Верховье!

не дрогнет сердце, если вдруг голос певца начнет рассказывать о том, как „...однозвучно гремит колокольчик и дорога пылится слегка...“?

Что же касается постановления Сената, запрещающего частным лицам в России использовать поддужные колокольчики, то оно, это постановление, выражаясь современным языком, было малоэффективным. Запрет этот часто нарушался. Желаящих прокатиться „со звоном“ в праздники, в дни свадьбы или проводов рекрута никто не мог остановить.

Никакое постановление не в силах было „воспретить“ красоту поэзии, излучаемую колокольчиком с Валдая.

СВИДАНИЕ, КОТОРОЕ НЕ КОНЧАЕТСЯ

Семь тысяч рек, тысячи сел и деревень, десятки больших и малых городов знала Волга испокон веков. Трудно было чем-нибудь ее удивить. Всего ей хватало. Но было одно местечко на земле, где ей давно хотелось побывать. То из молвы народной, то из песни проезжей, то из обрывочного разговора бурлаков, тянувших очередную баржу снизу вверх, все больше и больше узнавала она о Москве. Вот она вроде бы рядом, белокаменная, а поди достань. Мучительным было сознание собственного бессилия. Огорчалась Волга, что не пришло время свидания да и удалцов-молодцов, которые проводили бы ее в Москву, что-то не находилось. Лишь в 1937 году все решил канал, нареченный впоследствии именем столицы, и Волга наконец-то пошла в Москву.

В канале встретила Волгу Москва-река, подхватила с дочерней радостью под руку и, не скрывая восторга, выдохнула:

— Пожалуйста, матушка, в столицу белокаменную!

По пути стала она показывать гостю обновленные берега, следы старины глубокой:

— Это вот город Дмитров, основанный еще Юрием Долгоруким. Это село Рождественно, где была усадьба великого полководца Александра Васильевича Суворова. А там вон село Федоскино с его лаковой миниатюрой на папье-маше...

Вошла Волга в Москву с некоторой робостью и с благоговением перед блеском и величием стольного града, но вскоре освоилась, увидев, как много здесь знакомого, близкого, чисто волжского. Из открытых московских окон донеслось празднично-возвышенное:

Много песен над Волгой звенело,
Да напев был у песен не тот.
Раньше песни тоска наша пела,
А теперь наша радость поет.

Вслушалась Волга, и сердце дрогнуло: о ней поют, о ее новой судьбе.

Москва поразила великолепием улиц и площадей, дворцов и храмов. А какие в столице театры! В одном из них слышны вроде бы знакомые голоса. Да, да, это голоса волжских купцов. Тех самых, коих вывел на сцену великий драматург из Щелыкова — Александр Николаевич Островский. Он с костромской земли, и ему ли не знать здешние типы. Свой художник всегда нравился Волге. И умением изображать характерные явления русской жизни, и социальной достоверностью героев, и, конечно, языком, живым и самобытным. Одни названия его пьес чего стоят: „Свои люди — сочтемся“, „На всякого мудреца довольно простоты“, „Не все коту масленица“, „Не в свои сани не садись“... А „Гроза“? О, эта „Гроза“! Волга все время по-особому относилась к бедной Катерине, жалела ее и, пожалуй, именно из жалости приняла несчастную в свои глубины, освободив страдальцу из „темного царства Диких и Кабановых“.

Темное царство давно сметено очистительной бурей революции. Жизнь на Волге другая и волжанки другие. Об их раскрепощенной душе, может быть, красноречивей всего повествует судьба Валентины Терешковой. Волжанку из Ярославля народ нежно прозвал Чайкой, но не только над Волгой — над всей планетой подняла она свою славу.

А Москва опять поет о своей великой реке. На этот раз песня доносится из Концертного зала имени Чайковского. Широко, мощно, раздольно ведет песню хор имени Пятницкого, главный хор страны.

Ой ты, Волга, мать-река,
Широка и глубока.
Ой да, да, ой да, ой да, да, ой да.
Широка и глубока.

России поет свою песню старейший народный хор. Слушать его можно бесконечно.

Впереди показался Кремль. Высоко взметнулась ослепительно белая колокольня Ивана Великого. Рубиново сияет звезда на Спасской башне. Хотелось бы Волге остановиться и хоть немного постоять у Кремля, да такая у нее работа, что остановиться река не может. Все вперед и вперед бежит, все дальше и дальше. А так бы хотелось ей заглянуть в окно ленинского кабинета в Кремле! Ей все кажется, что ее симбирский сын сидит за своим рабочим столом в кремлевском кабинете и стремительным своим почерком вписывает навечно в историю гениальные мысли о революционном переустройстве мира.

Рада Волга свиданию с Москвой, еще и тому, что сама Москва заранее готовилась к

свиданию с Волгой. Иначе откуда бы взяться речным вокзалом, скажем, Северному? Он сооружен еще в тридцатых годах. С тех пор как 1 Мая 1938 года ликующие москвичи встретили большие волжские теплоходы у стен древнего Кремля, Волга навсегда связала столицу с Каспием, а с появлением Волго-Донского судоходного канала превратила Москву в порт пяти морей.

Приятно Волге служить Москве, России, стране Советской, работать на коммунизм. Не у каждой реки в мире такая завидная, такая счастливая судьба.

Днем и ночью несет Волга в столицу свежие воды. Пейте, москвичи, на здоровье!

Днем и ночью вращает она турбины могучих гидроэлектростанций в Жигулях, у Саратова, у Волгограда, в Чебоксарах. Да будет свет!

Каждый день от причальной стенки речного вокзала, подрагивая от нетерпения, отправляются в дальний путь элегантные теплоходы с пассажирами на борту. Счастливого пути, друзья!

С попутным ветерком и мы пойдем дальше.

И ОСТАНОВИЛИ РЕКУ...

Канал имени Москвы назывался сначала каналом Москва – Волга.

Его начали строить поздней осенью 1932 года. У нас еще не было мощных земляных

машин. Паровые экскаваторы действовали только на самых трудных участках. А переместить надо было больше 200 миллионов кубических метров грунта!

Строителям предстояло возвести 240 сооружений, в том числе одиннадцать шлюзов, пятнадцать плотин, несколько гидроэлектростанций, мощные насосные станции для перекачки волжской воды в столицу, мосты и многое другое.

На плотине первой волжской ГЭС, сооруженной возле деревушки Иваново, ранней весной 1937 года опустили щиты, преграждающие путь воде. В этот хмурый, ветреный день случилось небывалое: человек впервые остановил величайшую реку Европы!

Наши далекие предки верили в речные божества. Они поклонялись рекам. Если бы Волга была живым существом, она вскипела бы от негодования. Как?! Остановить ее, да еще перед половодьем, когда весна шлет ей отовсюду тысячи тысяч ручьев, помогая накапливать грозную силу!

Волгу держали перед закрытыми щитами в полном повиновении всего три минуты. Только три. Нельзя было совсем осушить русло по другую сторону плотины. И часть воды стали пропускать через приоткрытые отверстия, а остальную копить в Московском море.

Весь канал был сооружен меньше чем за пять лет. Для него построили специальный флот. В Первомайские праздники 1937 года москвичи восторженно встретили украшенные флагами теплоходы и катера, пришедшие по новому каналу в столицу.

Путь из Москвы на Волгу идет по каналу через шлюзы.

В дореволюционных волжских путеводителях о Москве даже не упоминалось: какое, мол, отношение имеет она к Волге? А о Москве-реке писали так: „Изредка проползет через москворецкие мели яхт-клубский парходик, да и того не каждый московский обыватель удосужится увидеть“.

Москва благодаря каналу превратилась в один из оживленнейших речных портов Европы.

Канал хорошо служит столице. Его значение еще более возрастет после реконструкции трассы и пополнения запасов Московского моря.

Столице, а также Подмосковию нужно все больше воды для городского хозяйства, для орошения полей. Есть несколько проектов удовлетворения этого спроса. Можно накапливать дополнительные запасы волжской воды, построив гидроузел у города Ржева. Можно перебрасывать в Московское море часть стока рек Мсты и Медведицы. Уже начала действовать гидросистема, связавшая столицу с рекой Вазузой. Предполагается перестроить насосные станции канала. А другие работы позволят увеличить поток судов, идущих по трассе.

СОСЕДСТВО, ОКАЗАВШЕЕСЯ ПОЛЕЗНЫМ *

Московское море привлекает массу рыбаков. Много их летом, много и зимой. И не зря сидят они у просверленных во льду лунок: редкий возвращается без улова.

Рыбаков много, а рыбы не убавляется. Специалисты говорят, что будет даже лучше, если леца станут вылавливать больше: ему тоже простор нужен, чтобы он не мельчал, не вырождался.

Обычно соседство с крупным промышленным предприятием или электростанцией не радует рыбаков. А Московское море — исключение. В него поступают теплые, но чистые воды Конаковской тепловой электростанции, и это оказалось благоприятным для многих видов рыб.

БЕСЕДА ЗА ЧАЕМ

Чай — великолепный напиток. К тому же, как говорят в народе, где чай, там и беседа. Вспомним, как в стихотворении Твардовского „Ленин и печник“ муж, оправдываясь перед женой за долгое отсутствие, со скрытой гордостью говорит: „... У Ленина за чаем засиделся...“ Между печником и вождем разговор, естественно, шел о делах.

В пользу чая высказывался Лев Толстой. Он, в частности, признавался, что чай помогал ему высвободить дремлющие душевные силы.

Чай может оказаться кстати, если к нему подадут еще и сыр, скажем, „Угличский“. Ведь Углич, куда мы теперь прибываем, издавна славится изготовлением великолепных отечественных сыров. Здесь вы найдете пряный, сладковатый, с ореховым привкусом „Швейцарский“ сыр, слегка кисловатый „Российский“, в меру острый „Ярославский“, кисловато-нежный „Угличский“. Не случайно в Угличе действует Всесоюзный научно-исследовательский институт маслодельной и сыродельной промышленности. Ведь тверская земля — родина российского сыроделия. Сначала сыроварня появилась в имении князя Мещерского, в Лотошине, затем в Отроковичах. После того как при Петре Первом в Россию завезли деликатес из Эмментальской долины Швейцарии, этот швейцарский сыр стали делать и в Угличе. В наши дни здесь вырабатываются, по существу, все известные в мире сорта сыров.

Но не одни сыры манят в Углич путешественников. Есть здесь кое-что и другое. Скажем, церковь Димитрия на крови. В конце XVII века ее возвели в память об „убиенном отроке“ — царевиче Димитрии и окрасили в красный цвет, который давно тревожит наше воображение.

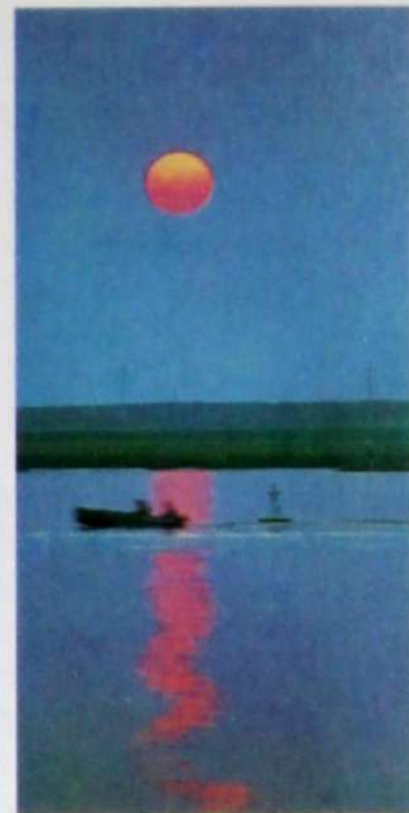
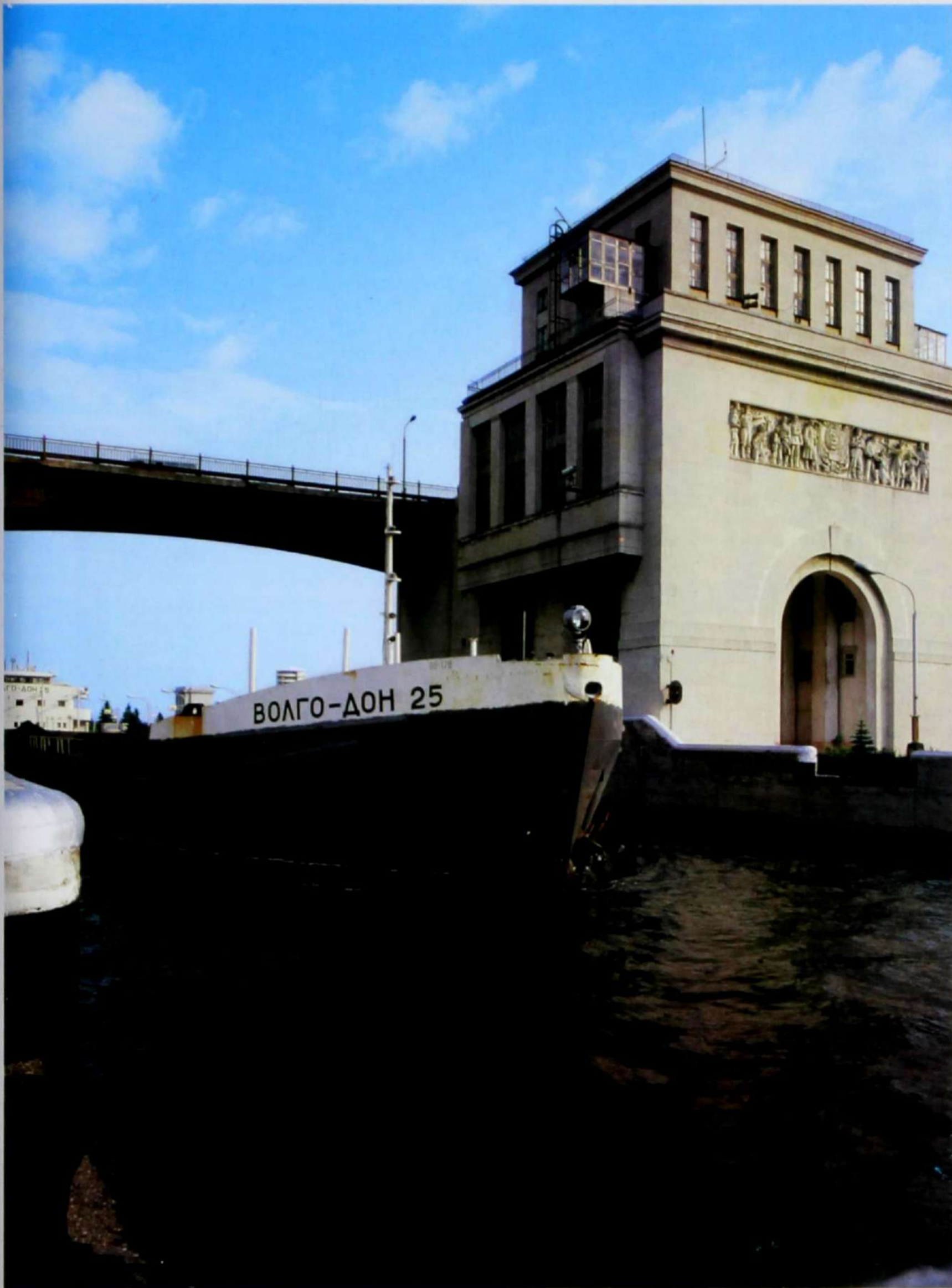
Едва возник передо мной
Печальный храм, я оглянулся
И сразу в древность окунулся,
Как говорится, с головой.

И сразу — боже упаси,
Пусть и во сне не повторится! —
Открылась жуткая страница
Седой истории Руси.

В чем смысл этой жуткой страницы? Давайте войдем в церковь и взглянемся в настенные росписи, относящиеся к XVIII веку. Сложные чувства овладевают мною, когда я вижу царевича Димитрия с матерью и нянькой, ниже — сцену его убийства и рядом угличан, карающих убийц в гневе отмщения.

Справедлива ли кара? Был ли это меч возмездия или вспышка слепого гнева?

Известно, что сразу после гибели „отрока Димитрия“ Годунов послал в Углич следственную комиссию. Выясняя суть дела, комиссия пришла к выводу, что причиной гибели царевича стал несчастный случай. Страдая „падучей болезнью“, царевич будто бы играл с ножом и нечаянно на него накололся. За свою „роковую ошибку“ те, кто карал убийц, жестоко поплатились. Годунов приказал гнать их пешком в холодную Сибирь. Вместе с ними в ссылку отправили колокол, который набатом звал людей к отмщению за убиенного отрока, царевича Димитрия. Перед тем колокол тоже наказали, как опасного преступника:

сбросили с колокольни, вырвали „язык“ и заклеили клеймом каторжника.

Тайна убийства царевича не давала покоя исследователям разных эпох. Не удержались от соблазна раскрыть жгучую тайну и современные „криминалисты“. Однако, несмотря на совершенные методы, им тоже не удалось прийти к неопровержимым выводам. Именно поэтому до сих пор существует несколько версий „угличского дела“. Одна из них в том, что убийц подослал Борис Годунов, стремясь избавиться от малолетнего сына Ивана Грозного на пути к царскому трону.

Эта версия как раз и отображена в росписях на церковной стене.

Сердце вновь то наполняется жалостью к царевичу Димитрию (ведь дитя же!), то болью за угличан, угнанных в Сибирь (а виноваты ли они?), то я испытываю недоумение за судьбу Годунова. И думаю: зачем мне все это? Почему я должен страдать из-за какого-то Годунова? Кто он мне? И что мне за дело до царевича, жившего в каком-то там XVI веке? Не лучше ли в самом деле заняться чаем? И полакомиться „Угличским“ сыром?

И я в самом деле пью горячий, ароматный, хорошо заваренный чай. Во рту тает ломтик свежего сыра. Я блаженствую. Я отдыхаю. Я весь отдаюсь, как говорили в прежние времена, трапезе. И все же, все же... Я не перестаю думать об „убиенном отроке“, об угличанах, сосланных в Сибирь, о Борисе Годунове. Я не могу не думать о них. Не есть ли это начало тревог о судьбе Отечества? Если да — то пусть память о предках никогда не остывает во мне.

Еще сильнее, чем далекое прошлое, меня трогает сегодняшний день. Перед тем как попасть сверху в Углич, теплоход проходит триумфальную арку шлюзовых ворот. О многом они говорят любопытному взгляду. Ведь это сооружение достраивалось осенью 1941 года, когда фашистские полчища рвались к Москве.

Угличская ГЭС — первенец советской энергетики на Волге — в ту грозную пору отдавала все свои силы Москве, а только что сооруженный шлюз открывал дорогу судам, которые шли теперь с Нижней Волги в столицу.

Волнующая страница истории, которую мы творили сами!

В маленьком Угличе прошлое не мешает будущему, а как бы уточняет его, делает более рельефным. Угличане, не хвалясь, уверяют, что они, как никто, чувствуют ход истории, ход времени. В это сразу же начинаешь верить, как только попадаешь на Угличский часовой завод.

Женские и мужские часы „Чайка“, часы для подводного плавания — „Амфибия“ — изделия настолько же изящные, насколько

и точные. Более 60 стран мира покупают угличские часы. Не случайно здесь, на Волге, проводятся международные симпозиумы специалистов часовой промышленности.

Угличане в самом деле чувствуют время.

Вспомним про время и мы. Пора нам двигаться дальше. Но, прежде чем отправиться в путь, давайте еще выпьем по чашке горячего чая.

ЕДИНСТВЕННАЯ В СВОЕМ РОДЕ

Что да, то да — единственная. Речь идет о картине. Ее авторы — братья Чернецовы, Григорий и Никанор. Оба они академики живописи, оба совершили почти полтора столетия назад, в 1838 году, первое в России „художественное путешествие“ по Волге. Они шли по реке с весны до ледостава и сделали при этом 1982 рисунка. Когда рисунки склеили в четырнадцать полос, их общая длина составила 746 метров. Так появилась единая „Панорама Волги“ братьев Чернецовых. Многочисленные пейзажи и зарисовки волжских городов поставили „красоту неизглаженную“ русской земли в один ряд с классическими красотами Востока и Запада. Волга с тех пор стала постоянным источником вдохновения для художников России. Продолжая лучшие

Стоит взглянуть на эти „Боярские палаты“, и станет понятной увлеченность мастеров прошлого.

Рыбинскъ

Р. Волга. Набережн. города

№ 1 Изд. Н. Д. Микерина по негат. А. Н. Никаноровой

традиции своих предшественников, мастеров кисти XIX века, переносят красоты Волги и ее берегов на свои холсты и советские художники.

Путевые записки братьев Чернецовых написаны достаточно живо, отличаются непосредственностью чувства, полны интересных наблюдений. Они были изданы отдельной книгой под названием „Путешествие по Волге“ в 1970 году. Полезно и нам познакомиться с ними хотя бы в коротких отрывках.

Чернецовские записки и зарисовки дают возможность увидеть Волгу такой, какой она была полтора столетия назад, и сравнить ее с той, которую мы знаем теперь.

РЫБИНСК

1 мая. — Мысль о живописном путешествии водою по Волге, в течение нескольких лет нас не оставлявшая, осуществилась. Вчера мы приехали в Рыбинск, откуда предполагали начать путь по знаменитой реке, которой живописные берега частью были знакомы нам и в художественном отношении представляли неисчерпаемый источник прекрасного... Рыбинск находится на месте, разделяющем Волгу на две части, совершенно различные между собою. Одна из них — к Астрахани — способна к плаванию самых больших судов, а другая — к Твери — только для мелких. Оттого Рыбинск служит как бы внутренним портом, к которому во множестве приходят суда со всех низовых мест, и при большом стечении купечества

производится в нем обращение огромных капиталов. Часть привозимых товаров продается на месте, а другая по перегрузке отправляется вверх к другим пристаням и в С.-Петербург по рекам Волге, Мологе, Шексне, впадающей против Рыбинска в Волгу.

Противные ветры задерживают суда, идущие к Рыбинску, отчего здешние пристани теперь пусты, и мы не можем достать себе ни лодки, ни рабочих до прихода каравана, которого ожидают...

8. — ... Тучи пронеслись, небо очистилось, весеннее красное солнышко скоро обсушило взмоchenное дождем, и жданные гости показались. Из-за крыши домов мы увидели вьющиеся змейками по воздуху вымпелы на мачтах передовых судов приближающегося первого каравана. Народ на улицах засуетился, послышался говор: „Караван, караван идет!“ Жители спешили на берег Волги любоваться на величественное вступление мирного флота — кормильца в Рыбинскую пристань. Но как изобразить пером картину, которую в первый раз в жизни удалось нам увидеть!

9. — ... Наконец лодка наша устроена, лоцман и рабочие наняты, остается только перебраться в свой плавучий домик и отправиться в путь, к которому запаслись всем необходимым для житья-бытья в этой новой частице своей жизни...

29. — Сильный боковой ветер заставил рабочих наших действовать веслами в поте лица, чтобы добиться ярославского берега. Лоцман, стоя у своих кресел, источал все свое красноречие для одобрения. Правя рулем, он работал и руками и языком: „Валяй,

В Рыбинском море
встречает
путешественников
монумент „Волга“.

Музей искусств в
Костроме.

О сыновних связях
великого поэта с Волгой
и Ярославлем
напоминает беседка
Некрасова на волжском
берегу.

Город Рыбинск (ныне
Андропов) был когда-то
столицей волжских
бурлаков. Сегодня у его
причалов "отдыхают"
современные скоростные
суда.

118827-1
МУК Балаковская Районная
центральная библиотека

ВЕРХОВЬЕ

Николай Алексеевич Некрасов.

что Некрасов заплатил за усадьбу 38,5 тысячи рублей серебром, не удержались от восклицания:

— Зачем ему все это?

Зачем? На этот вопрос лучше всего отвечает сам поэт в письме к отцу 16 апреля 1861 года: „Брат Федор говорил мне, что Вы готовы предоставить имение в наше распоряжение. В том-то и дело, что я избегаю всяких распоряжений. Вы знаете, что жизнь моя идет не без тревоги; в деревне я ищу полной свободы и совершенной безопасности, при удобствах, устроенных по моему личному вкусу, хотя бы и с большими тратами. При этих условиях я располагаю из 12-ти месяцев от 6 до 7 — жить в деревне — и частью заниматься. Вот почему я ищу непременно усадьбу без крестьян, без процессов и, если можно, без всяких хлопот, т.е. если можно, готовую“.

Караби́хская усадьба, построенная в начале прошлого века ярославским князем М.Н. Голицыным, после смерти хозяина лет тридцать пустовала и, конечно, пришла в запустение. Однако место приглянулось Некрасову, и он купил усадьбу, обновив ее на свой лад.

К каждой поездке в Караби́ху из холодного и сырого Петербурга поэт готовился, как к празднику, заранее писал брату Федору письма такие, как, например, вот это: „В начале мая, по обыкновению, думаю тронуться в Караби́ху. Поэтому прошу тебя, прикажи приготовить дом к моему приезду. Разумеется, парк и сад тоже прикажешь вычистить; к сожалению, я потерял список цветочных семян, которые требовал садовник; если еще не поздно, то можешь выпи-

батюшки, валяй! Как можно дружнее! Соколики! Как можно постарайтесь, перевозом пошла (то есть поперек Волги). Вот хватили родные! Урвали, обманули!“ И таким образом пробились против ветра к ярославскому берегу, у которого и остановились при впадении реки Которосли в Волгу.

Из записок Г.и Н. Чернецовых

КАРАБИ́ХА

Говорят, что в 1435 году московский князь Василий Темный разбил и покарал за вероломство галичского Димитрия Шемяку. Произошло это верстах в пятнадцати от Ярославля. Летописцы писали: „Кара бѣ там“. Отсюда будто бы и пошло слово „Караби́ха“, ставшее названием старинного русского села, а затем и усадьбы Некрасова.

Так ли, нет ли на самом деле, гадать не будем. Для меня слово „караби́ха“ созвучно со словом „корабль“. Может, это оттого, что корабли, или, по-современному, теплоходы, идут неподалеку от Караби́хи. Село Караби́ха стоит на большой дороге, ведущей от Ярославля к Москве. Четверть часа езды по оживленному шоссе — и вы на месте. Правда, некрасовская усадьба находится не в самом селе, а чуть поодаль. Но это уже деталь.

Представьте, что вы добрались до Караби́хи, увидели большой дом с двумя каменными двухэтажными флигелями по обеим сторонам, походили вокруг хозяйственных построек и пристроек, погуляли по парку, постояли в задумчивости на берегу пруда, заросшего кувшинками, и, узнав,

Не здесь ли, в каминном зале усадьбы в Караби́хе, вынашивал Н.А. Некрасов думы о светлом будущем Волги?

сать семян из Москвы... Плотины через Которосль тоже прикажи сделать”.

С праздничным чувством ожидали приезда Николая Алексеевича и в Карабихе. По словам сестры поэта Анны Алексеевны Буткевич, „задолго до приезда брата в доме поднималась суматоха. Домоправительница Аграфена Федоровна с утра звенела ключами, вытаскивала из сундуков разные ненужные вещи, — „может понадобится“, чистила мелом серебро, переставляла мебель, вообще выказывала большое усердие“.

Зная охотничью страсть поэта, в усадьбе заранее готовили необходимые для столь азартного занятия принадлежности: ружья, пороховницы, патронташи и прочее снаряжение. Охотничьи собаки как бы получали льготу, теперь их пускали даже в комнаты, и они, чуя приезд „хозяина“, вскидывали на людей глаза, полные собачьей радости и предчувствия дикой воли.

Если откинуть завесу времени, нетрудно увидеть Некрасова где-нибудь в лугах под Ярославлем или Костромой, стреляющего навскидку по бекасу, или застать его у дороги на привале с фляжкой мадеры в руках. Со стороны посмотреть, развлекается барин в обществе знакомых охотников и легавых собак, гуляет почем зря. Но это — если со стороны. А по сути...

Никто из русских поэтов не заглянул так глубоко в душу народную, как это сделал Некрасов. Никто так сочувственно не относился к мужику, как поэт из Карабихи. Никто так не вознес высоко русскую женщину в поэзии, как он. И ружье, и собаки, и все эти охотничьи похождения, и сама Кара-

биха нужны ему были лишь для того, чтобы подглядеть картины народной жизни, подслушать народную речь, почувствовать красоту народной души.

С охоты он привозил не только дичь, но и оригинальные сюжеты, свежие наблюдения, редкие, только что услышанные словечки. Вернувшись однажды из деревни Шода Костромской губернии, Некрасов зашел за работу, и из-под его взволнованного пера появились на свет очаровательные по

А может быть, думы о великой реке посещали его здесь, на балконе дома?

своему складу и ладу „Коробейники“. Другой раз следствием его душевного порыва стали „Крестьянские дети“.

Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи...
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз:
... Чу! шепот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз.
Все серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!

Кто из нас не ходил по болоту? Не забредал в сарай? Не видел тень летящей вороны? Кажется, нет ничего обычного того, что описывает Некрасов. На первый взгляд милицейский протокол, унылая проза. Но почему же тогда это нас так волнует? Почему будничное кажется необычным? Потому что мы имеем дело с поэтом. И не просто с поэтом, а с поэтом великим, под пером которого даже мелкое чувство становится большим, ибо оно, это чувство, согрето горячей любовью к людям.

Некрасов никогда ничего не придумывал и не выдумывал. Все у него от жизни. Даже полусказочный „Генерал Топтыгин“ имеет реальную основу. Есть свидетельство: „Орина, мать солдатская“ сама ему рассказывала свою ужасную жизнь. Поэт, охотясь, несколько раз делал крюк, чтобы еще и еще раз поговорить с ней, дабы в стихах не сфальшивить.

Нет, не на гulyбу приезжал Николай Алексеевич в благословенную Карабиху. Здесь он отдыхал от постоянной изнурительной борьбы, которую вел с царской цензурой за каждый номер „Современника“, за каждую статью в нем, за каждую строчку. Здесь отдыхал душой от суетливой, полной сплетен и интриг столичной жизни.

Поэта постоянно тянуло на родную сторонку „с ее зеленым благодатным летом“, тянуло к неоглядным просторам родной реки. Ему и Карабиха-то понадобилась лишь для того, чтобы быть поближе к Волге.

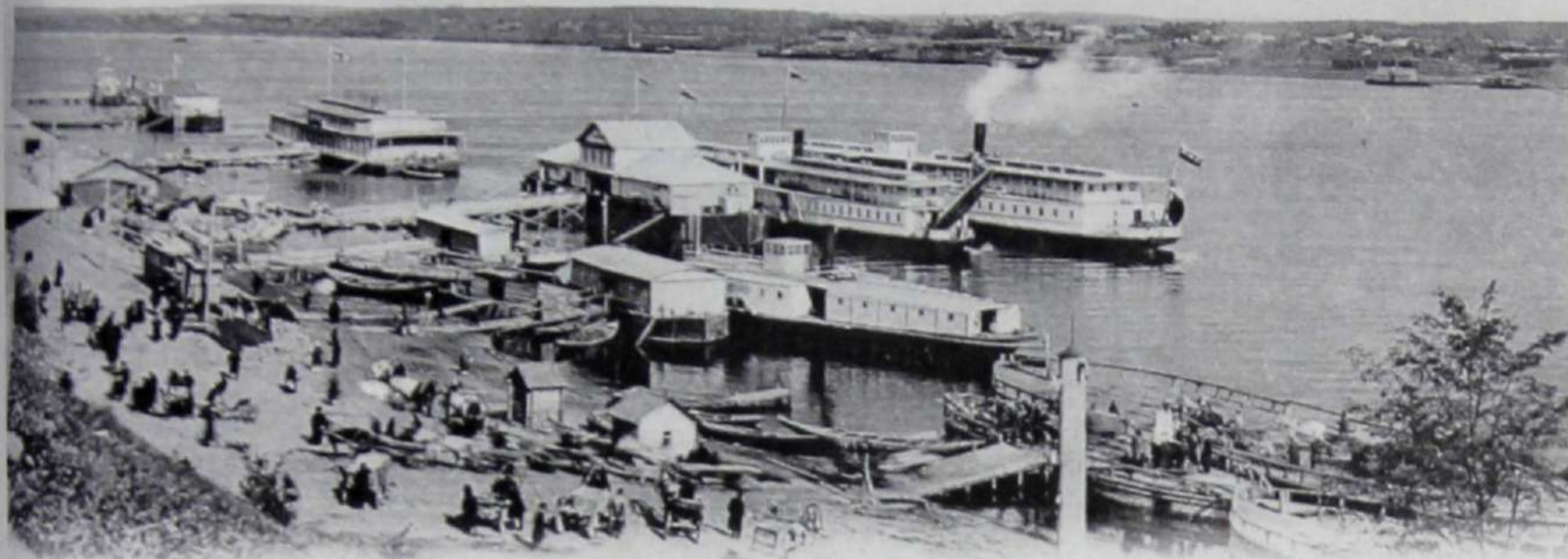
В русской литературе мы не найдем другого человека, кто бы так заинтересованно, нежно и страстно разговаривал с Волгой. До него не было поэта, который бы со слезами отчаяния мог назвать Волгу „... рекою рабства и тоски“. А он назвал. Потому что имел на это право. Он знал Волгу как никто другой.

Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
... Где народ, там и стон...

Однако бесправное положение трудовых масс не могло погасить исторического оптимизма поэта. Он верил: придут времена, когда „будет вечен бодрый труд над вечною рекою“.

О Волга!.. колыбель моя,
Любил ли кто тебя, как я? —

со священным трепетом спрашивал поэт, обращаясь к великой реке.

Ярославль

Общій видъ пристаней на р. Волгѣ

№. 103 Изд. Н. Д. Микерина по негат. А. Н. Никаноровой

И на этот вопрос он имел право, ибо олицетворял Волгу со своей родиной, народом.

Не будем гадать, любил ли кто Волгу сильнее, чем поэт из Карабихи. Он любил ее по-своему, по-некрасовски.

Каждому бы из нас такой горячей, такой искренней любви к Родине!

ЯРОСЛАВЛЬ

Ярославль-городок,
Москвы уголок.

Русская пословица

Мы остановились на прекрасном месте, у Ярославля... Перед нами город, в котором золоченые кресты на храмах ярко горят под лазурным небом: на высоком углу расположен Демидовский лицей, здание обширное, с прекрасным садом...

Из многих находящихся в Ярославле старинных храмов церковь Николая Мокрого по архитектуре своей замечательна. Множество изразцовых украшений снаружи придают ей великолепный вид, и из всех виденных нами здесь церквей в этом стиле архитектуры она есть лучшая. После нее примечательна церковь Ильи Пророка...

Прекрасный мокшан, остановившийся на якоре в соседстве с нами, обращал на себя внимание любопытных роскошною своею наружностью. По соседству мы легко могли быть на нем и осмотреть его внутреннее устройство. Он имеет в длину 24 сажени, в ширину 5 сажен. Мачта, составленная из шести дерев, сплоченных вместе с пикою,

так называемой ее верхней частью, имеет всю высоту от копаней 17 сажен...

На всех больших судах волжских находится по два человека, так называемых косных, которых обязанность состоит в исполнении работ на высотах мачт и на райнах. Они с ловкостью производят свои занятия, сопряженные с большими опасностями. Иногда во время жестоких бурь они должны лезть на вершину мачты к вымпелу или на концы райн для закрепления парусов, причем нередко, вися, так сказать, над водою, где малейшая оплошность может быть пагубною. Но эти смельчаки, сидя на райне, как птицы на ветке, исполняют свое дело с веселыми песнями и изумляют неустрашимостью своею простодушных бурлаков...

5 июня. — ... Пробыв довольно времени в Ярославле, сего дня расположились его оставить, чтоб продолжить путь далее.

Из записок Г. и Н. Чернецовых

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

Зимой, когда за окном посвистывает вьюга, многие начинают мечтать о летнем отдыхе. В такую пору можно услышать:

— Доживу до июня, непременно махну на Черное море. Воткупаюсь.

— Нет, — раздается другой голос, — я в Прибалтику. Там такие сосны, такие дюны. Красотища!

— Все это, братцы, не то, — вступает в разговор третий сослуживец. — „Золотое кольцо“ — вот это — да! На него пять отпусков истратить не жалко.

Здесь бережно относятся
к памятникам русской
старины.

Что же такое „Золотое кольцо“?

Это современные оживленные шоссе, соединяющие как бы воедино старинные русские города Загорск, Владимир, Суздаль, Ростов Великий, Углич, Ярославль, Кострому. Десятки тысяч туристов движутся каждое лето по „Золотому кольцу“. Здесь можно услышать восторженные возгласы на разных языках и наречиях, можно вслушаться в английскую, немецкую, французскую, итальянскую речь.

Одна из достопримечательностей „Золотого кольца“ — памятники древнего зодчества, поражающие мастерством известных и неизвестных художников, дарующие нашим и иностранным туристам радость общения с вечной красотой. Великолепны храмы Загорска, Владимира и особенно Суздаля, представляющего собой поэму в камне. Но вот что в одной из книг, посвященных „Золотому кольцу“, говорится о Ярославле: „В драгоценном ожерелье древнерусских городов, опоясавших Москву, Ярославль сияет особенно ярким, неповторимым светом“. На мой взгляд, тут нет никакого преувеличения.

Ярославские памятники искусства хранят в себе изумительное мастерство русских зодчих и живописцев. В каменных творениях — великий труд и вдохновение, мера и красота. Смотришь на церковь и ловишь себя на мысли: тот, кто ее строил, думал не столько о боге, сколько о человеке.

Пройдитесь по старой части города, и вы почувствуете то же самое, что почувствовал я. Церковь Богоявления построена людям на удивление. Церковь Рождества Христова, чтоб ликовало слово. Церковь Ильи Пророка, чтоб радовалось око.

Творческий подвиг древних художников, может быть, кроме всего прочего, в том и состоит, что они вкладывали в библейские сцены смысл и содержание собственного бытия. Это хорошо видно в церкви Ильи Пророка, где, куда ни глянешь, — фрески, фрески, фрески. Обилие красок, сюжетов, действующих лиц может повергнуть в уныние современного посетителя, далекого от средневекового ис-

Углич — город памятников древней русской архитектуры.

кусства, или оставить его равнодушным. Однако не торопитесь уходить отсюда, посмотрите, подумайте.

Попробуйте представить себе, как появлялись эти фрески. Прежде всего кирпичные стены внутри храма покрывались штукатуркой. Пока она была сырой, ее красили краской, разведенной на сыром яйце. Потом штукатурка высыхала, и краска превращалась в прочную пленку. Только на такой пленке живописцы начинали работать растительными красками. Причем работали не в одиночку, а целыми артелями, так как объем был достаточно велик. Существовало четкое разделение хорошо организованного труда. Начинающие художники работали над фоном или крупными деталями, „травщики“ плели декоративные узоры, имевшие вкус к „палатному“ письму украшали архитектурные сооружения. А руководил всеми „знаменщик“ — самый опытный и самый талантливый художник.

Ярославль. Древняя часовня после реставрации. Ярославские изразцы.

Здесь, в церкви Ильи Пророка, как свидетельствуют специалисты, руководителем был Гурий Никитин, который еще раньше выполнял заказы Оружейной палаты, расписывал соборы и дворцы Московского Кремля, церкви в Костроме, Ростове, Переяславле. Вот он-то скорее всего и наполнял церковные сюжеты житейским содержанием.

Присмотримся повнимательнее к известной композиции „Жатва“. Искусствоведы называют ее хрестоматийной. Без ее описания не обходится ни один рассказ о ярославских памятниках XVII века. Посмотрите на это золотистое поле ржи, на этих смуглых, загорелых жнецов, на эти аккуратно перевязанные снопы. Все здесь исполнено человеческой радости, поэзии крестьянского труда, столь понятного и близкого нам, хотя воспевали его художники средневековья.

Не оставит вас равнодушными и соседняя сцена, где мать оплакивает внезапно умершего сына. Безутешно ее горе, безмерно страдание.

А вот еще одна сцена, трогательная своей человечностью. Бездетная коленопреклоненная женщина молит Елисея о даровании чада. Столько тоски и надежды в ее

взгляде, что невольно забываешь про церковную символику и думаешь о превращениях человеческой судьбы.

Существует утверждение, что Гурий Никитин создавал свои композиции не без влияния картин художников Возрождения и западноевропейских художников XVI-XVII веков. Возможно, так оно и было. Но, прописывая скошенную рожь, художник думал о жатве на полях под Ярославлем, а повествуя о судьбе бездетной женщины, имел в виду кого-нибудь из родных или знакомых. Или вон взгляните на библейского Каина, подгоняющего деревенскую лошаденку, за которой тащится соха. Или вот на эти поджаристые русские калачи. Они, конечно, из жизни.

Тем-то и трогают ярославские фрески (и не только в церкви Ильи Пророка), что ближе они к человеку. С восхищением и благодарностью любуюсь творениями русского художника, который принимался расписывать божий храм, а думало человеке, а значит, и обо мне.

ТРИ ВОЛГИ *

„Где работает ваш теплоход?“ – „На Нижней Волге“. Это самый обычный разгово-

Храм в „Коровниках“ — шедевр русского зодчества XVII века.

О своеобразном
мастерстве ярославских
градостроителей
свидетельствует и так
называемая "Ярославская
свеча".

вор речников. У них не одна Волга, а три. Много лет было также три пароходства: Верхневолжское, Средневолжское и Нижневолжское.

Верхняя Волга — от истока до Горького, до впадения Оки. Средняя — от устья Оки до устья Камы. Нижняя Волга — от впадения Камы до Каспийского моря.

СЛОВО О „СЛОВЕ“

Ярославна поутру плачет в Путивле на стене,
приговаривая:

„О ветер, ты ветер!
К чему же так сильно веешь?
На что же наносишь ты стрелы ханские
Своими легковейными крыльями
На воинов лады моей?
Мало ль подоблачных гор твоему веянию?
Мало ль кораблей на синем море

твоему лелеянию?
На что ж, как ковыль-траву, ты развеял
мое веселие?“

Ярославна поутру плачет в Путивле на стене,
припеваючи:

„О ты, Днепр, ты, Днепр, ты слава-река!
Ты пробил горы каменны
Сквозь землю Половецкую...“
За этим, вторым плачем Ярославны

следует третий:
„Ты светлое, ты пресветлое солнышко!
Ты для всех тепло, ты для всех красно!
Что ж так простерло ты свой горячий луч
на воинов лады моей,
Что в безводной степи луки им сжало жаждой
И заточило им тулы печалию?“

Льется нежный голос Ярославны со школьных лет через всю мою жизнь. Вот уж и голова седеет, а при звуках „Слова о полку Игореве“ снова сладко замирает сердце, как на том далеком уроке, когда впервые обдала меня своей светлой печалью волшебная музыка „Слова“. Что за колдовство? Что за очарование? Почему так трепетно отзываются струны души моей на каждый звук этой великой поэмы, будь она в первоначальном варианте 1800 года или в переводах В. Жуковского, А. Майкова, Н. Заболоцкого или Н. Рыленкова? Не потому ли так волнует нас бессмертная песнь неизвестного автора, что является она, по существу, прародительницей русской литературы с ее великолепным свойством будить в нас патристические чувства, чувства беспредельной любви к земле родной?

„Позвольте! — воскликнет нетерпеливый читатель. — А почему, собственно, зашла речь о походе князя Игоря? Разве это имеет какое-то отношение к нашему путешествию по Волге?“

В том-то и дело, что имеет. И самое прямое. Ведь мы с вами уже в Ярославле, а именно здесь Мусин-Пушкин впервые увидел „Слово“ в библиотеке Спасо-Преображенского монастыря. Коснемся слегка истории находки „Слова“ и первой публикации поэмы.

„На первой странице этой истории — Ярославль и его старейший Спасо-Преображенский монастырь“, — пишет советский критик и публицист Евгений Осетров в книге „Мир Игоревой песни“. „К концу XVIII века, — сообщает он далее, — богатство и громкая ратная слава монастыря-крепости, бывшего одним из очагов сопротивления иноземным пришельцам в годину Смуты, остались далеко позади. Военские дела забывались, а посевы и покосы шли плохо — монастырская вотчина экономически скудела. В конце концов монастырь ликвидировали, и в нем остался „на обещании до смерти своей“ престарелый архимандрит Иоиль; в дом его и перешли оставшиеся пожитки некогда обширного монастырского хозяйства — книги да рукописи“.

Вот у него-то, Иоиля, человека незаурядной схоластической образованности, Алексей Иванович Мусин-Пушкин и обнаружил очень старинную рукописную книгу, в которой не одно столетие таинственно скрывалось „Слово о полку Игореве“. После долгой, тщательной и кропотливой работы, проделанной над текстом при участии выдающихся архивистов того времени Н.Н. Бантыш-Каменского и А.Ф. Малиновского, собиратель в 1800 году осуществил первое издание „Слова“. Поэма наконец-то обрела постоянную прописку в печати, а русская литература нашла затерянную в веках жемчужину.

„Слово о полку Игореве“ — произведение редкой, удивительной судьбы. О нем написаны горы исследований, по большей части проникнутых любовью и уважением к неизвестному автору, сумевшему в поэме с блеском изобразить главного героя — землю Русскую. Надо отдать должное исследователям. Им приходилось преодолевать немало трудностей, связанных с тем, что в пожаре Москвы во время нашествия Наполеона вместе со всем книжным добром сгорел единственный список „Слова“.

Единственный? Да. Так по крайней мере считалось... до последнего времени.

7 ноября 1982 года в газете „Советская Россия“ появилась любопытная статья „Эта рукопись сгореть не может“. Читатели, равнодушные к судьбе „Слова“, прямо-таки ахнули от радости, узнав потрясающую новость. А новость вот какая: „В последних числах мая 1815 года московский мещанин Петр Архипов принес ко мне харатейный список (столп) и продал за 170 рублей. На вопрошения мои, откуда он достал его, я получил в ответ, что выменен иностранцем Шимельфейном на разные вещицы в Калужской губернии у зажиточной помещицы, которая запретила ему объявлять о имени ея.“

Сей древний свиток заключал „Слово о

полку Игоревом“, переписанное в 1375 году в Суздале монахом Леонтием Зябловым на одиннадцати пергаментных листах...“ Это слова А.Ф. Малиновского.

Не стану утруждать читателя подробностями дальнейших разысканий, скажу только, что честь открытия документа, подтверждающего существование еще одного старинного списка поэмы, принадлежит активистам Московского музея „Слова о полку Игореве“. Теперь, как говорится, дело за небольшим: отыскать следы этого второго таинственного списка, чем, вероятно, и занимаются наши исследователи.

Нам же остается надеяться, ждать и продолжать задушевный разговор о Волге, с чьей судьбой тесно связаны судьбы многих удивительных явлений отечественной культуры.

„АНГЛИЙСКОЕ ПОЛОТНО“ ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ *

Большая Ярославская мануфактура существовала с начала XVIII века. Разрешение на ее открытие дал сам Петр Первый. Ему нужно было парусное полотно для молодого русского флота.

С годами слава ярославских ткачей разнеслась по всей России. Скатерти, салфетки, бельевое полотно из поволжского города охотно покупали на ярмарках.

И вот такая любопытная история произошла дальше. Большие партии ярославского полотна стали приобретать лондонские фирмы. Часть товара они отправляли в Америку, а часть... возвращалась в Россию,

но с английским клеймом. И русские богачи, падкие до всего иностранного, платили за „английское полотно“ втрое дороже, чем оно стоило в соседней лавке, но с клеймом Большой Ярославской мануфактуры.

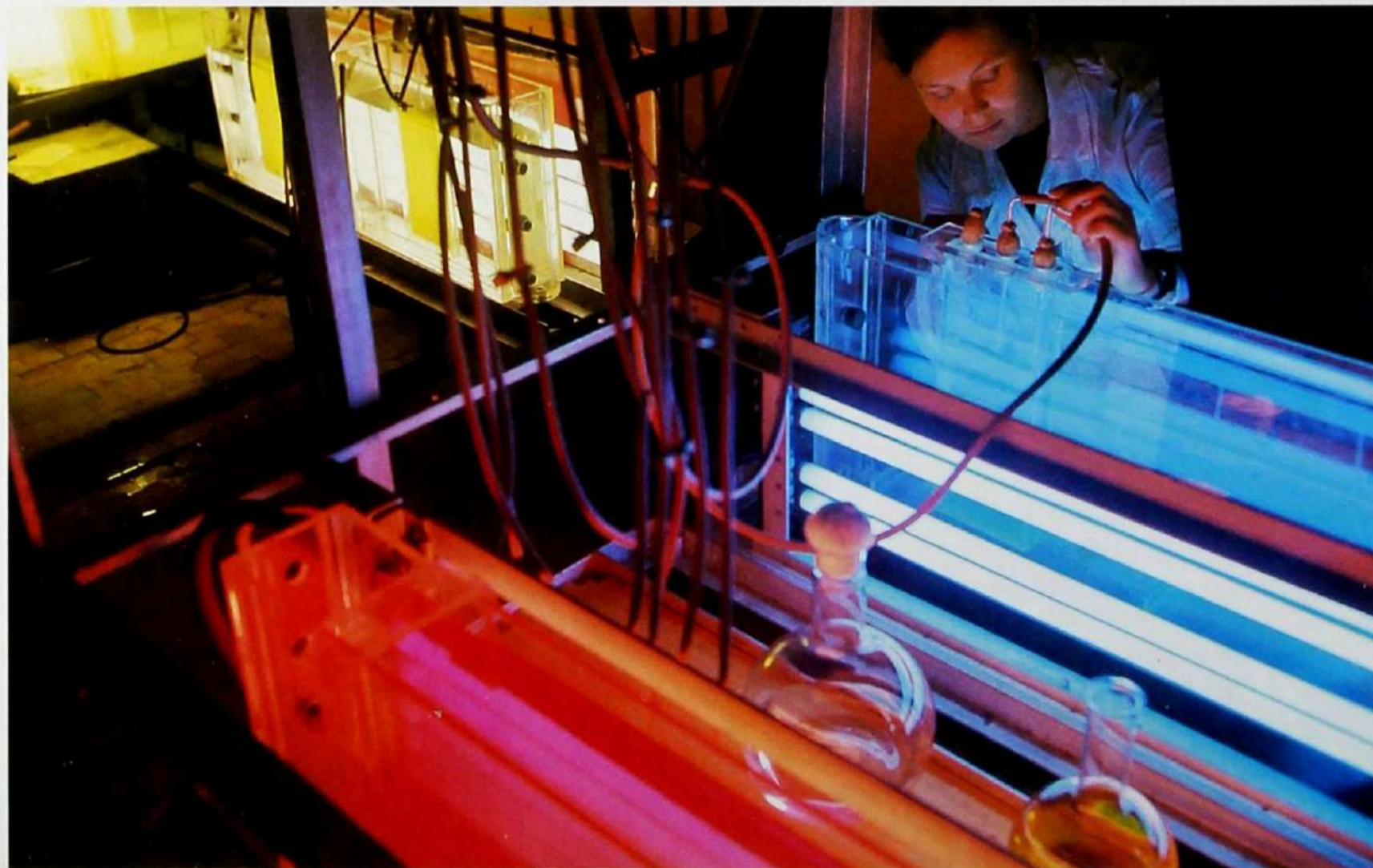
ЛЕГКАЯ, КАК ДЫМ, ЖАРКАЯ, КАК ПЛАМЯ *

Свыше двухсот лет назад ярославские крестьяне вывели романовскую породу овец. Им нужны были теплые и легкие овчины. Поедет крестьянин в лес по дрова; пока едет на дровнях, полушубок должен спасти его от мороза. А приехал, выхватил топор из-за пояса и ну махать – тут уж одежда должна быть легкой, не сковывать движений.

У романовской овцы шерсть серая с голубишной. Шерстинки разные: одни тонкие, как бы пуховые – от них тепло; другие покорооче, пожестче – эти не дают меху сваливаться, сбиваться в комки.

А почему порода „романовская“? Вывели ее возле волжского города Романова-Борисоглебска, названного в честь угличского князя Романа. Теперь это город Тутаев. Красноармеец Илья Тутаев геройски погиб, сражаясь с белогвардейцами, и его память увековечена в названии родного города.

Романовскую овцу разводят теперь во многих областях Советской России. Ее покупают у нас французские фермеры. Немало романовских овец в Венгрии, Чехословакии, Болгарии. Говорят, во всем мире не найти овчин легче и теплее романовских. Их слава, как видно, переживет и нейлон, и перлон, и многие другие „лоны“, из которых делают искусственные меха для шуб.

Полна загадок и тайн жизнь внутренних водоемов. Их разгадкой занимаются специалисты научно-исследовательской лаборатории на Рыбинском водохранилище.

В ТАКОЙ ОБУВИ — КУДА УГОДНО

В самом деле, обувь отменная. По каким только дорогам в ней не ходили. И по степным, и по таежным, и по песчаным, и по горным. Ходили в ней по дорогам пятилеток и по дорогам войны. Ходили на далекие расстояния, а главное — ходили быстро. Скороходы из старых сказок просто умерли бы от зависти, попадись им на глаза такая обувь.

Завод, о котором идет речь, выпускает сто видов первоклассной „обуви“ для 50 типов автомобилей, тракторов и всяких других двигающихся механизмов, в том числе для „Волги“ и „Жигулей“. Огромные прочные шины для комбайна СК-4, гигантские автопокрышки к 25-тонному минскому самосвалу — это тоже отсюда.

Хотите знать, где делается такая „обувь“? В городе, основанном в начале XI столетия Ярославом Мудрым. В городе, на месте которого веком раньше находилось „селище, рекомое Медвежий угол“, а в эпоху раннего железного века так называемое Медведицкое городище. Как повествует легенда, князь Ярослав, перед тем как заложить город своего имени, зарубил секирой медведя — священного зверя, которому поклонялись язычники. Медвежий угол таким образом приказал долго жить, а на его месте возник город, чей старинный герб вобрал в себя ту самую легенду: „В серебряном щите медведь, стоячи, держит в левой лапе золотую секиру на такой же рукоятке“. Вы, конечно, уже догадались: речь идет о Ярославле, одном из древнейших волжских городов.

Многим славен этот город. Никак нельзя умолчать о его старинных строениях. Они из белого тесаного камня или красного кирпича. И невольно позавидуешь: умели работать мастера прошлого. На совесть и со вкусом. А главное — надолго.

Справедливости ради заметим, что так же трудятся и нынешние мастера. У них то же правило: мера и красота. Все, что выходит из-под их рук, все заслуживает похвалы: ковры, книги, ткани, электровибраторы, лаки, синтетические изделия и, конечно, известная всему миру „обувь“ для автомобилей.

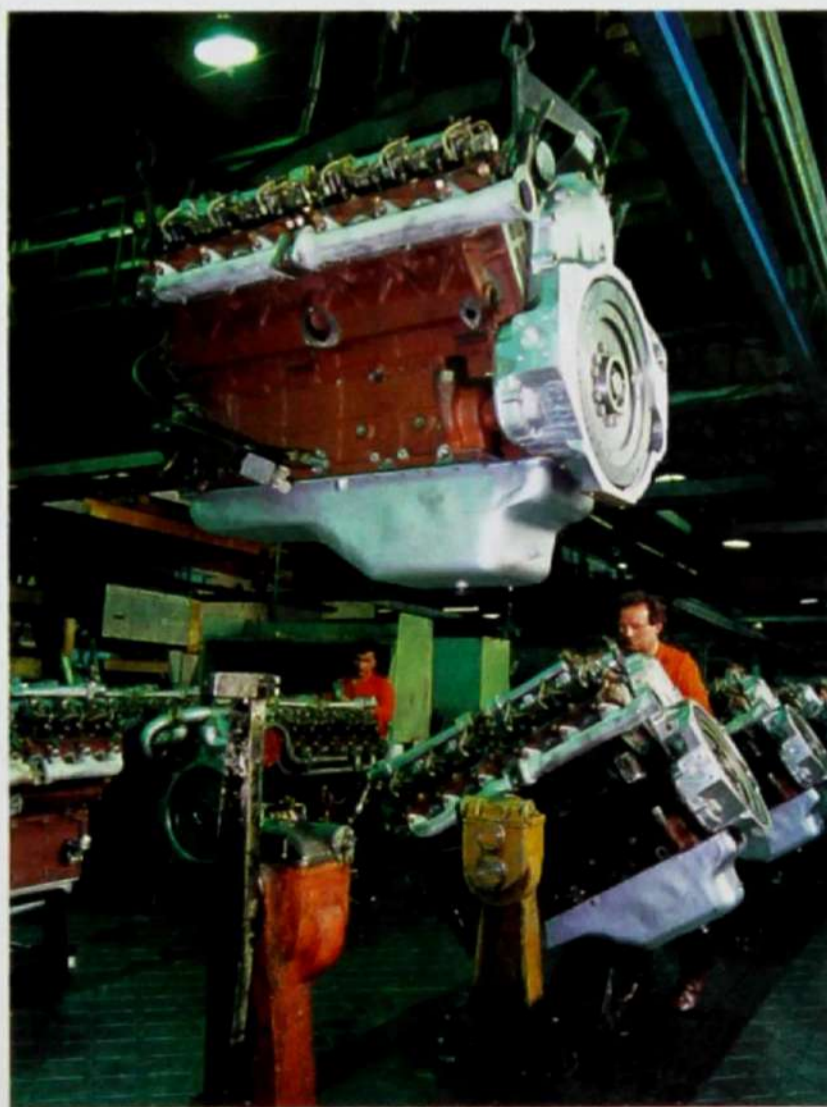
Постойте на оживленной улице большого современного города и попробуйте прикинуть, сколько по ней проходит за день автомашин. Задача, думаю, будет вам не под силу. Поток грузовых, легковых, специальных и всяких других движущихся механизмов поистине нескончаем. Теперь представьте, как бы все это выглядело, если бы машины не имели надежной первоклассной „обуви“, идущей с волжских берегов, из цехов Ярославского шинного завода.

Автопокрышки делают сейчас во мно-

гих городах страны, но ярославцы начали их выпускать первыми. В 1929 году на пустынном волжском берегу началось строительство резино-асбестового комбината, а спустя три года ярославцы вынесли на праздничную демонстрацию первую автопокрышку.

Бережно реставрируют наши современники русскую старину.

Ярославцы гордятся достижениями сегодняшнего дня. Далеко за пределами нашей страны известна продукция Ярославского моторного завода.

Блестящая страница в истории Ярославля — жизнь и творчество основателя русского театра Ф.И. Волкова.

<i>С любовью Михаил Алексеев</i>	5	<i>Онегин в Нижнем</i>	81
От автора	8	„... Возможно только у нас!“	84
ВЕРХОВЬЕ		<i>Пуговица для Форда</i>	85
СУДЬБЫ И ВЕКА		<i>В сорок девять стран</i>	85
Над колыбелью	14	<i>Имени Аркадия Гайдара</i>	86
Подарок	14	Свежие ветры Плеса	86
Первый из первых	17	Времена года	93
Атомград	20	Песня солнышку	101
„Такая уж здесь сторона“	20	Воспоминания о сапогах	105
Дар Валдая	21	Комиссар Волжской флотилии	105
Свидание, которое не кончается	25	Загадка Степана Эрзы	106
<i>И остановили реку...</i>	27	Храмы науки	108
<i>Соседство, оказавшееся полезным</i>	28	„Эй, ухнем!“	110
Беседа за чаем	28	Ярмарки	112
Единственная в своем роде	30	„Прямо к желтому песочку...“	115
<i>Рыбинск</i>	31	<i>Казань</i>	115
Карабиха	34	<i>Болгары</i>	116
<i>Ярославль</i>	37	<i>Великий болгар</i>	117
Золотое кольцо	37	<i>Ра, Итиль, Атиль</i>	117
<i>Три Волги</i>	40	<i>Сибгат Хаким. Мы с Волги, из</i>	
Слово о „Слове“	43	<i>Казани.</i>	119
„Английское полотно“ из Ярославля	44	<i>Город, который плавал</i>	119
<i>Легкая, как дым, жаркая, как пламя</i>	44	<i>Гумбольдт на сабантуде</i>	121
В такой обуви — куда угодно	45	Антоновка	123
Великий лицедей	47	„Вниз по матушке по Волге“. Народ-	
„Я люблю Россию до боли сердеч-		<i>ная песня</i>	123
<i>ной...“</i>	49	О белых манжетах и рабочих рука-	
<i>Кострома</i>	49	<i>вицах</i>	123
Ярилина поляна	50	В час ночного покоя	125
Крестьянка	53	Одной матери сыновья	128
Про „фараонку“	55	На зеленой стоянке	128
Бурлаки	58	ПОНИЗОВЬЕ	
<i>Далеко, далеко степь за Волгу ушла</i>	61	ИМЕНЕМ ЛЕНИНА ОЗАРЕНО	
Родство душ	61	Недорисованный портрет	136
Мастера	69	<i>Уилтон Браун. Жить, как Ленин</i>	139
СРЕДНЯЯ ВОЛГА		<i>М. Горький. В.И. Ленин (из очерка)</i>	139
ИЗ ПЕРВЫХ РУК		<i>Достойный ответ</i>	143
Поднявший знамя	76	„Красная правда“	143
<i>Нижний Новгород</i>	80	<i>Мальчик из села Пролей Каши</i>	143
		<i>Симбирск</i>	145

Заветное слово	145
Над Ульяновском вечер ласковый	148
<i>Яков Ухсай. Радуга.</i>	149
Письмо Олега Поскребышева	153
<i>Миклай Казаков. Родная Волга</i>	158
Братья	160
<i>Гости из Венгрии</i>	168
<i>„Марий Эл“</i>	168
Есть в России святые места	168

ОКРЫЛЕННАЯ ДУША

<i>„Жигули мои вы, Жигули...“</i>	172
<i>Каменный молодец. Легенда</i>	177
Семь жемчужин	180
<i>Начало великой стройки</i>	181
<i>Первая радость</i>	181
<i>Завершение</i>	181
<i>Имени Ленина. Указ Президиума</i> <i>Верховного Совета СССР</i>	181
<i>Булат Пугачева. Предание</i>	181
<i>Самара</i>	182
Спасибо, капитан!	182
Встанешь пораньше...	186
<i>Ужасно хочется парохода...</i>	192
<i>Послание потомкам</i>	192
Лада	192
<i>Глазами зарубежных гостей</i>	196
День рождения	196
Соловьиный рассвет	200
Есть на кого надеяться	201
Саратов	205
Город волжской судьбы	205
Самый, самый...	207
<i>А.А. Навроцкий. Утес Стеньки Разина</i>	210
Поездка на утес	211
<i>Д.Н. Садовников. Свадьба</i>	214
Широкий Буерак	215
Шагнувшие в будущее	218
Звенья золотой цепи	223
Вернулся, чтобы идти дальше	230
С колокольчиками	233
Дорога на мостик	234

Дожди рукотворные	234
<i>Пшеница-чемпион</i>	236
Саратовский калач	236

В ДЫМУ И ПЛАМЕНИ

Минута молчания	240
<i>Волга во гневе</i>	243
<i>Мумин Каноат. Река. Отрывок из</i> <i>поэмы</i>	243
Они не прошли!	246
Экскурсия	247
<i>Поездка в Царев</i>	248
<i>Царицын</i>	248
<i>Побратимы</i>	249
Тревоги Прасковьи Наумовны	249
Белый хлеб с медом	252

ОСОБЫЙ ЛАД

Капитанская уха	258
<i>Бестер и его родственники</i>	263
<i>„Всесоюзная солонка“</i>	264
Река играет	264
<i>Живое ископаемое</i>	266
<i>Астрахань</i>	266
Там, где Волга сливается с морем	267
Рыбаки	281
Прощание	283

Палькин Н.Е.

П 14 О, Волга! — М.: Мол. гвардия, 1985. — 288с., ил. —
(Отечество).

В пер.: 8 р. 90 к. 50 000 экз.

Книга-альбом рассказывает о дорогих советскому человеку волжских местах, связанных с именами Ленина, Горького, Чкалова, Гагарина и других выдающихся людей, о прошлом и настоящем городов и районов России, объединенных великой русской рекой, обо всем, что связано у советского народа с этой главной водной магистралью страны. Культура, экономика, нравы, обычаи народов, живущих по берегам Волги, — все это отражается в книге.

П 4702010200-003 — Без объявл.
078(02) — 85

ББК 26.89(2Р35)
91(С14)

ИБ № 4083

НИКОЛАЙ ЕГОРОВИЧ ПАЛЬКИН
О, ВОЛГА!

Редактор П. АЛЕШКИН

Рецензент Ю. ПОМОЗОВ

Художник В. ЧИСТЯКОВ

Художественный редактор С. САХАРОВА

Технический редактор Е. МИХАЛЕВА

Сдано в набор 26.06.84. Подписано в печать 30.05.84. А 08058. Формат 84x108¹/₁₆. Бумага мелованная
Гарнитура „Гарамон“. Печать офсетная. Условн. печ. л. 30,24+1,36 вкл. Усл. кр.=отт. 158,5. Учетно-изд. л. 36,6
Тираж 50 000 экз. Цена 8 р. 90 к. Заказ 1215.

Издательство ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“. Москва, К-30, Суцеская, 21.

Никола Тети Едиторе — Милано

